

ЛитРес:

АНДРЕЙ
ВАСИЛЬЕВ

Отдел 15-К

Андрей Васильев

Останний день

«Автор»

2021

Васильев А. А.

Останний день / А. А. Васильев — «Автор», 2021 — (Отдел 15-К)

Осень потихоньку начинает вступать в свои права, а это значит, что время, отведенное Полозом для выполнения задания, уже почти закончилось. Так что же получит Валера Швецов в останний змеиный день - благодарность забытого всеми древнего бога или смертельный поцелуй, который ему подарят гадючьи клыки?

© Васильев А. А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	21
Глава четвертая	29
Глава пятая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андрей Васильев

Останний день

Все персонажи данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, местами, организациями, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями – не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

Глава первая

– Ты не мудри, – попросил меня Сивый задушевно. Я этот тон знал с детства, он всегда так говорил, перед тем как перейти к процедуре, называемой им «от души в душу». Проще говоря, перед тем как съездить кому-то по морде. – И что значит «в прошлый раз от меня только проблемы были»? Создавать проблемы окружающим – это твое кредо, мы к нему привыкли. Помнишь, как из-за тебя в одиннадцатом классе заводка с «николаевскими» пошла? Тебе хоть кто-то слово сказал?

Верно, было такое. «Николаевскими» мы звали учеников соседней с нами гимназии имени Николаева, уж не знаю, какого из них точно. Как-то не находили мы взаимопонимания, не складывался у нас позитивный или хотя бы конструктивный диалог, а попытки любого общения всякий раз заканчивались хорошим мордобоем. А поскольку наши учебные заведения разделял лишь забор, то случались они часто, особенно в теплое время года.

Хотя, если честно, причина данной нелюбви друг к другу тайной не являлась, во всем, как всегда, был виновен слабый пол. Нам не нравилось, что они пытаются клеить наших девчонок, их бесило ровно то же самое, но уже относительно собственных одноклассниц. И те и другие время от времени громко и демонстративно нас осуждали за подобную средневековую дикость, но по факту то и дело специально провоцировали конфликты. Женщины есть женщины, им нравится, когда из-за них льется кровь и трещат ребра. Само собой, в данные распри были вовлечены и ученики на класс-два помладше, потому пару раз небольшая драка перерастала если не в эпическую битву, то серьезное столкновение как минимум. Даже полиция пару раз приезжала, после чего происходил разбор полетов с вызовом родителей обеих сторон. Мамы ахали, отцы обещали устроить нам хорошую выволочку, но сами при этом довольно улыбались, с гордостью глядя на наши синяки со ссадинами. Как видно, вспоминали свою молодость. Представители обеих сторон, те, кто имел глупость засветиться или попасться, давали слово, что подобное больше не повторится, жали друг другу руки и недобро щурились, прекрасно зная, что это всего лишь слова. Неважно, что скоро мы закончим школу, на наше место сразу же придут новые бойцы, и эта война закончится только тогда, когда у одной из двух гимназий отзовут образовательную лицензию.

Что до Сивого – он вспомнил одно из самых жестких столкновений, которое действительно началось из-за меня. Вернее, из-за Юльки. Произошло оно незадолго до выпускного, в те прекрасные апрельские деньки, когда зима уже совсем отступила и солнышко особенно славно греет. И мы, и «николаевские» выползли между уроками на улицу, следом вышли и девчонки, которые, как это водится, отпраздновали приход весны по-своему, то есть сократили предметы одежды до допустимого школьного минимума и длины. Особенно блеснула на этот раз Юлька, ее юбку юбкой было нельзя назвать с любой точки зрения, что моментально отметил лидер «николаевских», известный в узких кругах под кличкой Гога. Он невероятно громко сообщил, что стати моей приятельницы, конечно, крупноваты и несовершенно, и лично он

предпочитает более спортивных дам, но все же по причине весны и определенного безрыбья можно прикрыть на это глаза и таки разок вступить с ней в отношения особого рода.

Я с Певцовой аккурат накануне здорово разругался, но, увидев ее лицо и поняв, что слова «николаевского» на этот раз ее нешуточно задели, подхватился, перемахнул через забор и, плюнув на то, что почти наверняка кто-то из педсостава увидит происходящее, первым же ударом капитально расквасил Гоге нос. Второй нанести не успел, поскольку мне сразу сзади здорово вдарили по почкам, а после и ноги подсекли, собираясь как следует попинать.

А еще через минуту подросли мои одноклассники и парни на год младше, готовые в ближайшем будущем принять из наших рук знамя борьбы с соседями.

Результат был таков: нас с Юлькой от греха отправили на две недели в Амстердам, где мы, при попустительстве моей наивной мамы, прекрасно провели время, практически не вылезая из постели. Отец немного побушевал, а после выплатил родителям Гоги неплохую компенсацию за то, чтобы дело не дошло до суда, ну а директриса гимназии, по слухам, после нашего выпуска на месяц в запой ушла.

Сивому в той драке зуб вышибли, потому он в особо важные моменты, когда надо было на меня воздействовать, всякий раз это вспоминал.

– Слушай, ну, правда не могу, – вздохнул я. – Не даст мне никто еще один отпуск, понимаешь? Самый конец лета на дворе, у нас архив и так почти без сотрудников стоит. Из десяти человек на службу только четверо ходят, остальные заняты куда более важными вещами.

– Ну да, у тебя же там один слабый пол работает, – хохотнул Сивый. – Бархатный сезон, море, солнце, мускулистые красавцы. Понимаю!

– Ничего ты не понимаешь. Море, солнце... Да сейчас! Говорю же тебе – конец лета, так что дача, овощи, фрукты, консервация, закрутки и так далее. У меня контингент – пятьдесят плюс, какие мускулистые красавцы? Потому – извини. Вот в следующем году, в конце весны – начале лета, не вопрос, поеду с радостью. А в этом никак.

И я не врал, все на самом деле обстояло именно так. Я с радостью рванул бы с ребятами на коп, чтобы отвлечься от той карусели, что безостановочно вертелась вокруг меня, но, увы и ах, возможности такой не имелось. Этому мешало все, что только можно: работа, обязательства, которые то уменьшались, то снова росли, друзья, которые иногда вели себя как враги, враги, которые иногда поступали как друзья, старые и новые знакомые и, наконец, сны. Хотя нет, на снах этот список заканчивать не очень правильно. Вишенкой на торте выступает то, что час финального расчета с Великим Полозом стремительно приближается, а я, увы, пока еще не выполнил в полной мере порученное мне дело. Ну а тот факт, что он с меня в урочный день все положенное взыщет, сомнений не вызывает ни малейших. Так что какие уж тут поездки...

– Ладно, – вздохнул Сивый. – Ну, не можешь на неделе – так на выходных приезжай. Мы опять по Минке рванем, нам наводку на еще одну деревеньку из вымерших дали, она уже «подвыбитая», конечно, но не катастрофично, есть где порыться. Я тебе координаты скину, там от Можайска не так и далеко выходит. На вокзале частного наймешь, оплатишь дорогу в два конца и все. А в воскресенье на обратную электричку мы тебя отвезем.

– Я постараюсь. Но обещать не стану, так что особо-то не ждите.

Отложив телефон в сторону, я откинулся на спинку рабочего кресла, заложив руки за голову, и уставился на рисунок, лежащий передо мной. На нем была изображена изящной ювелирной работы брошь, та, которую я увидел нынче ночью во сне. Разумеется, набросок не передавал всей ее красоты, я все же не профессиональный художник, да и детали, боюсь, не все схвачены. Вещь необычная, не цветок какой-нибудь собой представляет или фантазию ювелира, а дворянский герб, воплощенный в золоте, камнях и отчасти финифти. Крайне изящная штучка. Впрочем, и ее владелицу обычной девушкой назвать крайне сложно, такие даже в лихие времена начала прошлого века, богатые на нешаблонные личности, встречались крайне редко.

Ее звали София де Бодэ, и она была валькирия. Не я придумал ее так назвать, это сделали другие люди, но определение крайне точное, иное даже ни к чему. Красавица, умница, «смолянка» и вместе с тем отчаянно храбрая сорвиголова, не боящаяся крови – ни своей, ни чужой. Причем и ту и другую она лила без малейшей жалости и сожаления. Понятно, что в наши гуманные и толерантные времена двадцатилетняя девица, расстреливавшая пленных врагов без суда и следствия пачками, выглядит по меньшей мере странно, но для той поры это было нормой вещей. Гражданская война вообще из всех войн является худшим вариантом, потому что одно дело, когда на твою землю внешний агрессор напал, тут общую беду все вместе изживают, и совсем другое, когда брат на брата идет. В этом случае правых и виноватых нет, а, значит, побеждает тот, кто крови меньше боится и большую жестокость проявит. А самое страшное то, что и те и другие уверены, что сражаются за свою землю, причем это на самом деле так. И умирают быстрее прочих именно те, кто землю эту любит сильнее.

А скидка на женский пол при таких обстоятельствах не действует вовсе, все решает исключительно личное желание участвовать в событиях. Сколько было тогда с обеих сторон этих девушек – молодых, романтических и безжалостных до одури? Да полно, де Бодэ – лишь одна из многих. И не самая безжалостная, надо отметить. Тезка моей начальницы, Розалия Землячка, к стенке запросто и своих, красных, частенько ставила, всего лишь за одно не к месту сказанное слово или, не приведи господь, проявление хоть какой-то жалости к врагам трудового народа. Ну а классово чуждых белых вообще колоннами на крымские обрывы под пулемет отправляла. Ревекка Майзель в Архангельске никому собственные приговоры не доверяла исполнять, сама с маузером в подвал ходила, очень ей стрелять по живым мишеням нравилось. А еще была такая Маруся Никифорова, та вообще по поводу и без повода палила из двух автоматических пистолетов направо и налево, причем делала это и не за красных, и не за белых, а сразу против всех. Почему? Потому что она являлась анархисткой и никому не верила.

Ну и чем хуже или лучше них боец Добровольческой армии София де Бодэ? Просто одна из, не более того. Собственно, она, кроме войны, в жизни и не видала ничего, так как являлась дочерью кадрового офицера и в нежном семнадцатилетнем возрасте отправилась с отцом на фронты Первой мировой, где не сестрой милосердной служила и не крестиком вышивала, а с кубанцами-пластунами за линию фронта ходила и германцам глотки в траншеях резала. Ну а после все происходило так же, как у многих из тех, кто не принял новую Россию: стычки с большевиками в краснознаменной Москве, ранение, путешествие по вставшей на дыбы стране до Ростова, где Корнилов собирал под свои знамена всех несогласных с диктатурой пролетариата, легендарный «Ледовый поход» и смерть во время штурма Екатеринодара.

Собственно, я все это видел нынче ночью во сне, приблизительно в такой же последовательности. И скажу честно: ну, не вызывала у меня неприязни эта курносая, невысокая и отчаянно хорошенькая девчушка. Причем дело не в моих политических убеждениях, которых, по сути, особо и нет. Просто не вызывала – и все. Даже под финал сна, тогда, когда она, сидя в седле на тревожно всхрапывающем скакуне и весело хохоча, одного за другим убивала из нагана пленных красноармейцев в драном и заляпанном кровавыми пятнами исподнем, тратя на каждого не более чем по одному патрону. Да, смотрится это немного жутковато, но... А что бы с ней сделали эти бедолаги, случись все наоборот? Полагаю, так легко, как они, София не отделалась бы. Это только в кино красные задушевными беседами пытаются объяснить пленным офицерам, отчего те не правы в своих убеждениях, а в жизни эту девочку революционно настроенные солдаты и матросы умело разложили бы на полу в каком-нибудь сарае, а после по очереди пользовали ее до тех пор, пока она с ума не сошла бы или не умерла.

И – да, я испытал чувство жалости, глядя на то, как эта валькирия, слетевшая с убитого коня в сугроб, пошатываясь, поднялась на ноги, стерла снег с лица и вместо того, чтобы вернуться к своим позициям, побежала к траншеям противника, размахивая револьвером. Побе-

жала для того, чтобы через мгновение получить пулю в грудь и рухнуть обратно в снег, на этот раз уже навсегда.

В тот момент, кстати, я уже все знал. В смысле и имя обладательницы искомого предмета, и то, что мне надо добыть. В первый раз за все время мне не было стыдно за свою некомпетентность как историка, ведь до того максимум удавалось эпоху определить. А тут вот вообще почти все! Знать бы еще, где сейчас искомое находится, и тогда я, считай, джекпот сорвал. Мечты, мечты...

Предмет, к слову, я вычислил даже раньше, чем имя его обладательницы. Просто изначально это была девушка как девушка, в белом платье, на каком-то балу, веселая и счастливая. Как я позже сообразил, скорее всего, это было мероприятие, посвященное выпуску из Смольного. Вот в этот день ее отец приколот ей на платье эту самую брошь в виде герба. И все моментально встало на свои места.

После я увидел германский фронт и давешнюю барышню, только не в белом платье, а в форме и с наганом в руках, вот тогда-то у меня и появились в голове мысли о том, кто это может быть. Ну а когда неведомый киномеханик продемонстрировал перестрелки рабочих и солдат с красными лентами на папах с юнкерами (ни разу, между прочим, не юными мальчиками, а вполне себе матерыми дядьками), среди которых имелось несколько девушек, я окончательно убедился, что моя цель – София де Бодэ, про которую я на третьем курсе доклад делал, чтобы автоматом зачет получить.

Единственное, что меня во всем увиденном смутило, так это внешний вид герба рода де Бодэ, кстати, довольно-таки старинного. Его первые представители еще Варфоломеевскую ночь застали и умудрились ее пережить. Правда, после того на всякий случай из теплой Франции в заснеженную Россию подались, как видно, рассудив, что «коззак» и «рюс боярин» вряд ли что-то будут иметь против гугенотов.

Так вот, я помнил его визуально, он выглядел немного по-другому. Хотя кто его знает? Может, там несколько ветвей у рода имелось, у каждой, потому и разнился этот герб в каких-то деталях.

Само собой, сразу по пробуждении я набросал на листке изображение броши, но так до сих пор никому его и не отправил, даром что день уже давно перевалил на вторую половину. Почему? Не знаю. Наверное, потому что ни видеть, не слышать никого особо не хотел. За последние несколько дней я так проникся тишиной и покоем, наступившими после предыдущей безумной недели, что хотелось еще немного продлить это блаженство, пусть даже и в убыток себе.

Впрочем, сказать, чтобы совсем уж все меня в покое оставили, нельзя. Во вторник объявилась Изольда, изобразила легкую обиду и предложила мне реабилитироваться в ее глазах, для чего следовало организовать совместный поход в ресторан молекулярной кухни. Мой отказ, похоже, ее задел уже по-настоящему, и она окончательно пропала из поля зрения.

Звонил Михеев, уточнял, выполнил ли я просьбу, что они с Ровниным мне под конец разговора изложили, то есть проведаль ли Шлюндт про мои похождения в подмосковных лесах. Узнав, что нет, как мне показалось, расстроился, просил не затягивать с этим.

Что до антиквара – вот он запропал, так ни разу и не набрал меня, что довольно странно. По идее, у него еще одно желание имелось, а в дальний ящик Карл Августович подобные блага, насколько я смог его узнать, откладывал редко.

Само собой, и Стелла никуда не делась, но она все это время разгребала последствия неприятностей, доставленных Юлькой, потому особо приседать мне на мозг ей было некогда. Впрочем, фаза активных проблем, как и было обещано, закончилась, потому во вторник ведьма сообщила о том, что моя подруга детства прощена. Но одновременно с этим меня поставили в известность о том, что лучше бы ей в этой жизни больше не попадаться на глаза госпоже Вороневской. Тогда она целее будет.

А вот кто меня на самом деле удивил, так это Марфа. Не знаю отчего, имелась у меня уверенность в том, что уже в понедельник – вторник она встретит меня неподалеку от работы, посадит в машину и повезет куда-то там искать клад, без которого ей жизнь не в радость. Но я ошибся, глава ковена, как и Шлюндт, даже ни разу мне не позвонила. Ну а сам я этого делать точно не собирался. Оно мне зачем? Сено к лошади не ходит.

Я вздохнул, взял телефон и сфотографировал рисунок. Хочется, не хочется, но дело есть дело. Опять же, сейчас потеря одного дня кажется пустяком, а потом выяснится, что именно его-то мне и не хватило для того, чтобы избежать смерти.

А вот еще вопрос: писать в сопутствующей информации о том, что я уже в курсе, чья это вещь, или нет? Или пусть сами ищут ответы? Хотя глупость сморозил. Конечно же, писать. Мне важен конечный результат, а самолюбие с самолюбованием можно после потешить, в какой-то другой ситуации, не столь экстремальной.

Ох, боюсь, опять вурдалаки в пролете будут. Вещь-то совсем не старая, к тому же связанная с гражданской войной, на нее наверняка немало охотников-коллекционеров найдется, благо эта тематика в нашей стране ими ох как уважаема. Ну а коллекционеры у нас по чьему профилю проходят? Правильно, достославного Карла Августовича. Так что, думаю, кровососы даже сообразить, что к чему, не успеют, а тендер уже закроется, против чего лично я точно ничего не имею.

И вообще, если я прав и это на самом деле коллекционерская тема, так это очень даже здорово. Собиратели – люди, большей частью адекватные, это тебе не сбрендивший бизнесмен из психушки или добровольный затворник, исповедующий семейные ценности. С ними всегда можно договориться об обмене определенного экземпляра из коллекции на что-то более стоящее или даже банальном выкупе. Да и вряд ли брошь не самой известной героини Гражданской войны – прямо уж такой раритет, за который кто-то станет руками и ногами цепляться. Это все же не фуражка Корнилова и не пенсне Духонина, свалившееся с носа генерала, когда тот повис на штыках развеселых морячков-братишек, перепоясанных пулеметными лентами.

Письмо улетело к получателям, я же снова откинулся на спинку кресла, размышляя о том, что все-таки странно устроен этот мир. Сегодня пятница, все прогрессивное человечество ждет не дождется, когда наконец кончится этот день, чтобы окунуться в последние летние теплые выходные денечки. А я, наоборот, хотел бы, чтобы рабочая неделя не кончалась. Почему? Потому что ничего хорошего мне этот уик-энд не сулит. Меня завтра в Петрово семейство Певцовых на обед ждет, и не пойти на него нельзя, поскольку слово свое я привык держать. И все бы ничего, но как бы дядя Сережа родителя моего туда хитрым финтом не притащил, с него станется. Да и с бати тоже, между прочим. Им наши с Юлькой желания и планы по барабану, им слияние интересов подавай, поскольку по нынешним временам это разумнее конкуренции. И внуков тоже, причем побыстрее. С детьми не вышло, не оправдали мы надежд и ожиданий, так, может, хоть следующее поколение станет таким, каким они хотят видеть наследников своих капиталов.

Ладно, хоть поем по-людски, так, чтобы первое, второе и компот. А то совсем я что-то обленился в этом смысле, третий день по вечерам лапшу китайскую кипятком запариваю.

Пиццу, может, сегодня себе заказать? Двойную пеперони?

– Ой, как вкусно! – прозвенел в коридоре голос, который полностью подтвердил мои опасения. – Прямо как у мамы в детстве!

– Кушай, Стеллочка, кушай, – проворковала Анна Петровна. – Тебе теперь за двоих есть надо! Вот, еще один возьми.

– Знаю, но вес-то ползет вверх, – жалобно протянула Стелла. – Отьемся – Валера на меня даже смотреть не захочет. Вот и ограничиваю себя во всем, но от таких пирожков отказаться не могу.

– Он у нас не такой, – успокоила ее моя коллега, – Он юноша серьезный и ответственный.

И чего у меня тут окно такое узкое, а? Будь оно чуть пошире – сбежал бы крайне серьезно и ответственно прямо сейчас, после присоединился к Сивому и Гендосу, в нарушение собственных логических выкладок, и свинтил с ними из Москвы. Черт с ним, со званым обедом, обязательствами перед всеми-всеми-всеми, включая даже глубоко чтимую мной Розалию Наумовну. Пусть она мне прогулы ставит и увольняет. Никого видеть не хочу.

– Привет! – В кабинет впорхнула Стелла, один пирожок она дожевывала, второй держала в руке. – Ты чего, еще не собрался? Между прочим, времени – пять вечера, пятница. Каждая минута на вес золота, и так в пробках настоимся.

– В метро пробок нет, – меланхолично ответил ей я. – Там иногда случаются увеличенные интервалы следования поездов, но и это не страшно. У меня с собой читалка.

– Слушай, это не смешно. – Стелла глянула в коридор, как видно, желая проверить, не греют ли по соседству уши мои коллеги. – У меня нет ни малейшего желания опаздывать на мероприятие, особенно если учесть недавние события.

– Какое мероприятие? – глубоко вздохнул я, понимая, что пицца накрылась медным тазом. – Какие события? Ты вообще о чем? Марфа Петровна все же надумала востребовать законную награду? Не вопрос, поехали.

– Валер, не смешно. – Насупилась Стелла. – Я знаю, что ты парень с юмором, но сейчас так себе пошутил. Не сказать – никак. Начало в семь, и я не хочу опаздывать. Тем более что мне еще переодеться надо будет. Я все же спутница сына хозяйки дома, потому обязана блеснуть.

Хозяйки дома? Она о чем вообще?

– Стоп! – Воронцовская подошла ко мне вплотную и пальчиками вздернула мой подбородок вверх. – Вроде ты не придуряешься. Валер, сегодня твоя мама, Марина Леонидовна, суаре устраивает, с холодными закусками и демонстрацией картин. Этот старый пень Шлюндт ей недавно какое-то редкое полотно подарил, к тому все и приурочено. Думаю, кстати, что мы его там непременно встретим, уже заранее печалюсь. Само собой, мы тоже приглашены. Ну, было бы странно, случись по-другому, ты все же сын, я твоя потенциальная невеста, так что как без нас?

– Она мне ничего не сказала. – Потер лоб я. – Да мы вообще с ней не созванивались на этой неделе.

– Что разумно, – холодно отметила Стелла. – Особенно учитывая твой поганый характер. Что так смотришь? Ты бы просто отказался ехать, вот и все. Ну, не впрямую, само собой, нашел бы какой-то формальный повод, но тем не менее. А меня ты одну туда не отправишь, тебе совесть не позволит оставить мать с ведьмой наедине, потому поедешь как миленький. В очередной раз снимаю шляпу перед Мариной Леонидовной, хоть о моей истинной сути она понятия не имеет, зато проинтуичила все безукоризненно. Ладно, поехали уже. Видок у тебя, конечно, так себе, это не тот английский костюм, что я тебе в прошлый раз купила сдуру. И с чего я решила, что имею дело с нормальным человеком? Но и этот сойдет.

– Если что, у меня в комнате гардероб стоит, а там какой только одежды нет. В родительском доме, имеется в виду. – Я встал с кресла и потянулся. – За это веселое лето с боков килограммов семь-десять ушло, потому я в любую вещь точно влезу. Вверх-то я давно уже не расту, только вширь.

– Как молодой дуб. И голова у тебя такая же твердая. – Стелла хлопала меня ладонью по груди. – А вообще, надо будет глянуть. Какое-никакое, а приданое, это лучше, чем ничего. Папаша-то твой, поди, на нас часть акций своих предприятий после свадьбы не перепишет, он, насколько я поняла, дядька непробиваемый.

– Если я именно на тебе женюсь, он не то что ничего не перепишет, он нас еще и проклянет, – хмыкнул я. – Вернее, меня, на тебя ему попросту плевать. У него, знаешь ли, с давних пор в этой связи кое-кто другой в приоритете.

– Ах, ну да, конечно же, – мигом поняла, о чем я веду речь, Воронежская. – Как видно, старею, очевидные вещи перестала замечать. Слушай, Валера, а твоя подруга детства все чаще начинает заступать мне дорогу. Это для нее может кончиться скверно.

– Ну, конкретно тут она ни при чем, – резонно заметил я, закрывая окно. – Тем более что в моих планах женитьба не значится, причем ни на тебе, ни на ней, ни на ком-то.

– А Изольда? – чуть ехидно уточнила ведьма. – Она как же? Все, все, молчу.

– Вот и молчи, – одобрил ее слова я. – И еще... Заканчивай сюда ходить, пожалуйста. Тебе забава, а мои старушки после эти визиты еще неделю обсуждают и мне дурацкие вопросы задают. Знаешь, как бесит?

– Представляю, – подтвердила Стелла, взяв в руки рисунок, так и лежащий на столе. – И меня это радует, потому что чем тебе хуже, тем мне лучше. Слушай, это новая цель, да?

– Да. – Я забрал у нее листок, сложил пополам, а потом еще раз пополам, а после засунул его в карман своего летнего светлого пиджака. – Не дергайся ты, я уже разослал письмо, твоя работодателя все знает.

– Вот какой же ты все-таки дятел! – возмущенно просопела ведьма, засунула мне руку в карман и вытащила бумажку обратно. – А демонстрация деловой хватки? Тем более что мои позиции в глазах Марфы упали очень сильно, и все по твоей вине.

– Не майся дурью, – попросил я ее, снова забирая рисунок. – Какая деловая хватка? Ты меня слышишь вообще? Эта картинка уже доставлена всем заинтересованным лицам. То есть ты Марфе отправишь, по сути, вчерашний день, чем точно свою репутацию не восстановишь. Ну а что до моей вины... Не-а, я тут ни при чем. Ты сама во всех своих бедах виновата. Тут поспешила, там сорвалась, здесь нахамила – вот и результат. Сейчас тоже крайнего ищешь.

– Чего искать-то? – Ведьма обняла меня за плечи. – Вот он ты. И не спорь, а то опять поссоримся, а мне очень этого не хочется. По крайней мере сегодня. Давай хоть один вечер проведем по-людски, без ругани и драк.

– Хранитель кладов и ведьма, – фыркнул я, – и – по-людски. Ладно, давай, почему бы нет?

– То есть мы едем? – уточнила Стелла немного удивленно.

– Ну да, причем прямо сейчас, а то на самом деле настоимся в пробках. – В этот момент я заметил, что девушка как будто чем-то смущена. – Что теперь не так?

– Просто была уверена, что ты так просто не сдашься, – пояснила она. – Готовилась к длительному спору, аргументы подготовила, а ты почти и не артачился.

– Ну, не совсем же я бессердечный, верно? Маме будет приятно, если мы с тобой приедем? Будет. Значит, поехали. Опять же – Шлюндт. Кто знает, что он задумал? Не просто же так он маме эту картину подарил, верно? Так что уж лучше я рядом с ней буду этим вечером. От греха.

– А отец? – помолчав, спросила Стелла. – Он как? Я в курсе вашей стычки, Изольда рассказала про нее Василисе, а та уже со мной поделилась.

Василиса – это, наверное, Васька, одна из тех красоток, что намылились меня из лап оборотней спасать, я ее помню. Светленькая такая.

И еще – ладно Стелла, она меня знает, но Ваське этой на кой подробности моей семейной жизни? Или я для московских ведьм стал чем-то вроде онлайн-сериала, и они теперь следят за перипетиями моей судьбы в реальном времени?

– С ним как раз все очень просто обстоит. – Я поправил прядь волос, которая выбилась из безукоризненной прически ведьмы. – Его там не будет. Отец никогда не присутствует на подобных мероприятиях, поскольку они его бесят. И бесполезностью своей, и наличием на них лиц, скажем так, нетрадиционной половой ориентации, которых он на нюх не переносит. В художественных кругах этого добра хватает, они же все как один тонко чувствующие натуры. Так что мои старики давным-давно заключили устный договор: мама не лезет в ту часть отцовской жизни, которая связана с бизнесом, а батя в свою очередь не препятствует ее интересам,

связанным с живописью во всех ее проявлениях. Так что он вполне официально всегда отсутствует на этих, как ты говоришь, суаре и на выставки не ходит, даже те, что его фирма спонсирует. И как он тогда до театра доехал, тоже не понимаю, это на него совершенно не похоже.

– Ну, хоть не подеретесь, – оптимистично заявила Стелла. – Слушай, Валер, а удобно будет у Анны Петровны еще один пирожок попросить, а? Я ведь сегодня даже не обедала.

– Удобно. – Я убрал в карман телефон и закинул на плечо ремень сумки. – Почему нет? Все, пошли уже.

Глава вторая

Само собой, мы собрали по дороге все пробки, какие только возможно, пока не выбрались на платное шоссе, которое, впрочем, тоже не пустовало. Но оно и не странно – лето, как я уже говорил, подходило к концу, а вместе с ним заканчивались и безмятежные деньки у подрастающего поколения, которое по славной старой традиции проводило время на своих или съемных дачах. Мир может меняться сколько угодно, в нем могут происходить хоть какие технические революции и интеллектуальные прорывы, но как в России школьников отправляли на лето за город, так и будут отправлять. Хоть на месяц, но обязательно. Без этого каникулы не каникулы.

Само собой, к назначенному времени мы не успели, что очень раздосадовало Стеллу. Она, как я давно заметил, вообще очень не любила опаздывать.

– Все ты, – ворчала она на меня, паркуя автомобиль. – Ты виноват, Валера Швецов из Москвы. Телился долго, вопросы какие-то задавал. И вот результат!

– Да-да-да, все из-за меня, – признал я, надеясь, что данная жертва насытит демонов, обитающих в душе моей спутницы. – А ты великомученица, потому что со мной возишься.

– Совсем уж несмешная шутка! – окончательно вызверилась Воронежская. – Потому что это самая что ни на есть чистая правда. Дай мне чехол с заднего сидения.

Говоря это, она ловко стянула с себя легкий летний сарафан, под которым не оказалась совсем ничего, кроме почти незаметных трусиков.

– Чего залип? – уточнила она, заметив мое удивление. – Что-то новое увидел?

– Не скажу, чтобы совсем уж, но да, – признался я. – По какому поводу сей перформанс?

– Тебя, оленя в загоне, собираюсь окончательно растлить, – выдохнула ведьма, чуть прикрыв глаза. – Сил нет как мечтаю подобное сотворить, потому выбрала такое необычное место и время. Иди же ко мне скорей, любимый, зажжем огонь прямо на этой дороге. Что там! Раскачаем весь этот мир на пару с машиной!

– Фига себе, – пробормотал я, не очень понимая, шутит она или нет. С одной стороны, это все смотрелось как откровенная издевка, с другой – вот она сидит без ничего и смотрит так, что я даже на Стречу с Нестречей плюнуть готов. Пушай шевелятся, переживу!

– Тыфу, идиот, – обреченно вздохнула Воронежская. – Одна радость: под конец действия ты во мне наконец-то женщину увидел. Маленькая, но победа. Вот только жаль, что не слишком своевременная. Швецов, ты мне чехол с платьем с заднего сиденья подашь или нет? Я экзгибиционизмом не увлекаюсь, мне нагишом сидеть – радость невеликая.

Тыфу ты! Я просто не понял. У нее, оказывается, вечернее платье урочного часа ждало, она его отчего-то решила только здесь на себя надеть. Странные все же существа женщины, непонятные. Ты же не в метро едешь, в машине, оно же не испачкается, а если и помнется, то совсем не сильно. Тем более такое, как у Стеллы, тут и мяться-то особо нечему...

Народу в доме хватало. Как обычно бывает в таких случаях, зала первого этажа превратилась в некое подобие галереи, там и сям (но в строгом порядке, задолго до мероприятия определенном мамой) были расставлены картины, между которыми перемещались гости. Не все, разумеется, кое-кто из присутствующих просто попил шампанское и вел беседы друг с другом на разные темы, определенно не связанные с живописью.

Но и те и другие не пропустили мое появление на пороге. Нет, я не одиозная персона, просто случайные гости в наш дом не попадали, потому все, кто сегодня тут присутствовал, знали о том, что случилось несколько лет назад. В смысле о моем исходе из родных пенатов. Впрочем, и о событиях, тому предшествующих, тоже кое-кто из гостей имел представление. Например, вон та броско одетая дама, которую зовут Екатерина Сергеевна. Она одна из близ-

ких подруг моей мамы и по совместительству супруга одного очень влиятельного чина из прокуратуры, потому ей подробности давнего утреннего происшествия прекрасно известны.

Не меньший интерес вызвала моя спутница, впрочем, и в этом не было ничего удивительного. Все же новое лицо, тем более сопровождающее изгоя, которым я являлся, как тут не пошутить? Не так и много событий происходит в нашем уединенном поселке, да и те достаточно однообразные, которые обсуждать неинтересно. Ну, сделал кто-то неудачную коррекцию носа, или в чей-то дом «фэбсы» с обыском нагрянули – что здесь нового? Рутинка. А тут вон непутевый блудный сын Швецовых через столько лет вернулся, да еще и с женщиной, которая, пожалуй, что постарше него будет. Плюс непонятно какого круга эта особа, нашего или нет?

Господи, как же это все мне еще тогда надоело. За годы эти ощущения вроде как подзабылись, но сейчас они нахлынули на меня с новой силой.

– Стелла! – Мама подошла к нам и обнялась с ведьмой, которая, разумеется, немедленно расплылась в улыбке. – Я рада, что ты все же приехала.

– Старалась успеть вовремя, Марина Леонидовна, но не получилось, – виновато произнесла Воронцовка. – Валерку на работе задержали немного.

Ну, естественно. Как было сказано ранее, кто же еще может стать виновником происшествия, как не я? Причем любого, не только этого.

– Здравствуй. – Мама была непривычно холодна со мной, как видно, до сих пор не простила неприятную сцену в театре. – Рада, что, оказавшись в поселке, на этот раз ты все же заглянул в свой дом.

– Можно подумать, что я только и делаю, как езжу в Петрово. – Приобняв маму, я прикоснулся губами к ее щеке.

– Так оно и есть, – заметила она, понизив голос. – Вот только до этого порога ты, как правило, не доходишь. Поверь, мне не очень приятно узнавать о том, что ты был рядом, но не нашел минуты на то, чтобы просто заглянуть и поздороваться.

Кто-то меня на той неделе спалил во время визита к Певцовым. Отец отпадает, ему мое имя – как гвоздь в печень, Юлька и ее родня тоже, им это ни к чему, значит, кто-то из соседей. Да и какая разница? Главное, что эти новости добрались до мамы и ее расстроили. Плохо.

– Есть причины, – негромко сказал ей я. – Мне не хочется, чтобы ты снова расстраивалась, глядя на нас с отцом. Сама же знаешь, чем наши встречи заканчиваются.

– Так и не печаль меня, – попросила мама. – Ладно твой отец, с ним все ясно, он всегда был максималист, а с годами к этому не лучшему свойству еще и твердолобость добавилась. Но ты же моложе, еще душой не заостенел, так прояви благоразумие. Или хотя бы сыновью почтительность, ничего зазорного в том нет.

– Так ее и проявляю, – хмыкнул я. – Потому не прихожу сюда даже тогда, когда рядом оказываюсь.

– Вот и как мне быть, Стелла? – обратилась мама к моей спутнице. – Что с ними обоими делать? Как одной с этим всем справиться?

– Отдайте вашего сына мне, и нас станет уже двое, – предложила Воронцовка. – А там, глядишь, и третий появится, тот, кто всех сможет примирить. Вернее, третья. В моем роду девочки обычно рождаются.

– Бери, – разрешила мама, даже не заметив того, как в глазах ведьмы на секунду загорелись и опали два маленьких огонька. – Кому-кому, а тебе я доверяю, сама не знаю отчего. Больше, чем тем, кто с ним был раньше.

– Так я уже, можно сказать, взяла, – Стелла прихватила меня под руку, – и ни с кем делиться не собираюсь.

Это было сказано достаточно громко, и кое-кто из окружающих, прислушивающихся к разговору, мимо ушей данную фразу точно не пропустил. Не сомневаюсь, что самое позднее –

завтра утром – горячая новость о Швецове-младшем, притащившем в отчий дом какую-то непонятную шалаву, достигнет ушей тети Жанны, а уж она-то молчать не станет, трансформирует ее по своему усмотрению и перескажет Юльке. Даже страшно представить, как это будет выглядеть в ее версии, фантазия у госпожи Певцовой богатая.

Впрочем, завтра и узнаю. Теперь-то уж я к ним на обед наведуясь непременно.

– Валерий, друг мой! – Невесть откуда, словно из-под дубового паркета, перед нами возник Карл Августович, как всегда улыбочивый и дружелюбный. – Ну вот, Марина Леонидовна, а вы сомневались! Я же сразу сказал: приедет он, никуда не денется. Раз обещал – будет. Ваш сын всегда держит свое слово, что в наше время огромная редкость. Вот что значит правильное воспитание. Стелла Аркадьевна, голубушка, и вас рад видеть.

Старичок цапнул руку Воронежской, согнулся и облобызал ее.

– Карл Августович, а я-то как рада! – прощбетала Стелла. – Право, нынешний вечер чудесен во всех отношениях. Погода, искусство, любимый мужчина рядом, а теперь еще и вы. Мне больше нечего желать. Стой, счастье!

Если бы сейчас с лестницы, ведущей на второй этаж, хлынул водопад сиропа, я бы совершенно не удивился, потому что градус слащавости происходившего уже достиг своего максимума.

– Валера, выставка прекрасна, – сообщил мне антиквар, по случаю мероприятия натянувший на себя белоснежный костюм. Правда, фасон его был настолько древним, что можно только диву даваться. Напяль на Шлюндта пробковый шлем и вручи ему длинноствольный «ли-энфилд» – и он один в один станет напоминать англичанина времен колонизации Индии, честное слово. – Но лучшее в этом доме не то, что выставлено, а то, что в экспозиции отсутствует.

– Карл Августович! – Мамины щеки чуть порозовели.

– Нет-нет, я все равно скажу. – Чуть притопнул ногой старичок. – Лучшие работы отчего-то висят в самой дальней комнате, а то и вовсе в кладовке валяются. Я о рисунках досточтимой Марины Леонидовны речь веду, если кто не понял. Они не просто хороши – они замечательны. Более того, их следовало бы показать кое-кому из галеристов, и не только в нашей стране. Уверен, что те не упустили бы свой шанс.

– А еще на этом можно заработать денежку, – чуть копируя интонации Шлюндта и глядя в сторону, добавила Стелла.

– Да, моя хорошая, – не стал с ней спорить антиквар, – можно. И не понимаю, что в этом скверного. Искусство существует для всех, никто не спорит с этой аксиомой, но это не значит, что оно не должно продаваться. Все величайшие шедевры живописи, скульптуры, да и литературы были созданы не только по велению души, поверь. Рубенс, например, не только зарабатывал на картинах – он у Филиппа Четвертого под это дело дворянский титул выбил. Почему? Потому что знал себе цену. Ван Гог, убедившись, что его картины наконец-то начали пользоваться популярностью, написал брату в письме: «Первая овечка прошла через мост», намекая на то, что вот-вот денежный ручеек превратится в реку. Да и великий Леонардо не стеснялся писать картины на заказ. Хотя, ради правды, заказчиков выбирал очень тщательно, предпочитая венценосных особ.

– И используя труд учеников, – добавила Стелла. – Например Больтраффио. Вы же помните историю создания «Мадонны Литты»?

– Обычная практика того времени. – Насупился антиквар. – Ученики на то и существуют, чтобы помогать учителю. Леонардо сам учился у Верроккьо.

– И отплатил наставнику тем, что превзошел его во всем, – влез в разговор я. – Бедный Верроккьо, увидев, сколь яркий талант живет в том, кто называет его «учитель», навсегда оставил живопись.

– Хотя что-то запомнил из того, что я пыталась вложить в твою голову. – Погладила меня по плечу мама. – Приятно.

– И все-таки – Карл Августович промокнул лоб клетчатым платком, извлеченным из накладного кармана пиджака, – Марина Леонидовна, подумайте о том, что я сказал. Ваши работы чудо как хороши!

– А комиссионные будут меньше, чем для кого-либо, – снова передразнила Шлюндта Стелла, после чего я легонько пихнул ее локтем в бок. Мне только здесь и сейчас конфликта не хватало. – Валер, прекрати, это комплимент, а не подначка. Карл Августович – один из лучших экспертов не только в Москве, но и в Европе, его репутация безупречна, мнение – уважаемо, а услуги стоят крайне недешево. Я только что потенциальной свекрови скидку выбила, да такую, которая на вес золота. В буквальном смысле.

Мама и Карл Августович дружно рассмеялись, вот только подозреваю, что повод для веселья у каждого из них был свой.

– Ну а теперь, любезные дамы, я похищу у вас Валерия, – галантно заявил антиквар, цепко схватив меня за рукав пиджака. – Ненадолго, смею заверить. Нам надо кое-что обсудить.

– Мужчины и их дела, – сказала мама Стелле. – Все как всегда. Пойдем, моя дорогая, я представлю тебя гостям.

– А мы направимся в курительную комнату, – в тон ей произнес я. – Надеюсь, отец не слишком сильно станет возмущаться тем, что мы ее посетили.

– Не носи ерунды, – строго велела мне мама. – Это твой дом, им он был, им и останется. И все двери в нем для тебя всегда открыты.

– Ну, вообще-то именно туда он меня никогда и не пускал, – хмыкнул я, – в те времена, когда я там жил.

– А еще выпорол в шестнадцать лет, когда узнал, что ты сигары таскаешь, те, что ему с Кубы специально доставляли. И что, ты это тоже будешь до старости вспоминать?

Замечание было справедливым, потому от новых реплик я воздержался, прихватил за локоток тихонько смеющегося антиквара и, отвечая на приветствия гостей, направился в коридор, ведущий к курительной комнате.

– Я тобой, Валера, сегодня немного погордился, – сообщил Шлюндт, как только мы опустили свои зады в мягкие кресла, расположенные рядом с небольшим зеркальным столиком. Отец сам планировал это небольшое помещение, исходя из привычного для него минимализма. – Ты сам определил, кому принадлежит искомый предмет, без посторонней помощи. Это прекрасно! Впрочем, в твоей эрудиции я и не сомневался, ты все же научный работник, историк.

То ли правду говорит, то ли изощренно глумится. Никогда ничего с этим стариком не понятно.

– Повезло, – потупив взор, ответил ему я. – Это скорее случайность, чем закономерность. Тем более что знание истории предмета ничем не поможет в определении его текущего местоположения.

– Ну, с местоположением что-нибудь да придумается. – Хитро прищурился антиквар. – Ты же знаешь, что не бывает неразрешимых задач, какой-никакой, а ответ всегда найдется.

– Вы что-то знаете, – уверенно заявил я. – Верно?

– Ну-у-у-у... – Старичок сложил руки на животе и потешно завертел большими пальцами. – Может, да, может, нет. Не хочу тебя вводить в заблуждение или тешить надеждами, которые могут оказаться ложными, потому пока помолчу. Но, несмотря на это, все же попрошу тебя вот о чем: если кто-то из моих коллег-соискателей скажет, что сия брошь найдена, не сочти за труд, набери меня. Согласись, эта просьба не нарушает какие-либо соглашения и никак тебя не компрометирует.

– Да не вопрос, – ответил я. – Тем более что из всей нашей компании именно к вам я испытываю наибольшее доверие. Как-то так с самого начала повелось, и сейчас ничего не изменилось. Опять же с вами спокойно можно посидеть, поговорить, а то ведь эта подлунная пуб-

лика ох какая разная бывает. Некоторые вон печень могут вырвать и на твоих глазах сожрать. Бр-р-р... Как вспомню, так вздрогну.

Лучшего случая сдержать слово, данное Ровнину, представить было нельзя. Ну и насолить Дормидонту тоже хотелось, что скрывать. Ясно же, что старичок, узнав подробности моей одиссеи недельной давности, вряд ли станет испытывать по отношению к жожаку волкодлаков хоть сколько-то добрые чувства. Не позволит он никому резать курочку, пока та несет золотые яйца. После того – сколько угодно, но сейчас – фигушки. И потом – я ему должен еще один клад, а со своим добром он не расстанется ни за какие коврижки, слишком уж жаден.

Так оно и вышло. Не могу сказать, что я хорошо изучил Шлюндта, это, на мой взгляд, вообще вряд ли кому-то под силу, но тех куцых наблюдений, что имелись у меня в активе, было достаточно для того, чтобы понять: он очень, очень сильно разозлился.

– Ну, Дормидонт, – нехорошо улыбаясь, произнес он, когда я наконец замолчал, – ну, псина облезлая, бесхвостая!

– Бесхвостая? – удивился я. – Почему?

– Потому что нет у него хвоста! – раздраженно ответил мне антиквар. – Отрезали его давным-давно под самый корешок, чтобы ума этой шавке в голову вложить. Вот только толку-то от сего? Зверь – он и есть зверь, нет у него ни мыслей, ни памяти. Ох, он у меня пожалеет о том, что сотворил!

– Вы поосторожнее, – посоветовал ему я. – Сотрудники Отдела ему, судя по всему, покровительствуют. Не просто же так они со мной договариваться начали о том, чтобы я не мстил. Просто были у меня такие мысли, и я их особо не скрывал. А они и так, и эдак, мол, под Луной всякое случается, если всех убивать, то скоро Земля опустеет. Вы же знаете, я парень мягкий, отходчивый, опять же они меня вроде как спасли, потому согласился все забыть.

– Странно это, – помолчав, произнес Шлюндт. – Не припоминаю я, чтобы дьяки эдак за кого-то вступались. По-правильному, они должны были всех там перебить без особых разговоров, а после спалить все, что горит. Нет, мой юный друг, что-то тут не так. Полагаю, ты стал частью очередной разработки, на которую они мастера. Собственно, в этом они все, для сыскных дьяков не существует Валер, Карлов, Стелл, есть только объекты, которые можно использовать для своих целей, и объекты, для подобного не пригодные. Первых имеет смысл оберегать и обхаживать, а судьба вторых никому из обитателей дома на Сухаревке не интересна. Непосредственно ты пока в первой категории, но это до поры до времени. Нет, такова их служба, так сказать, издержки профессии, но нам, простым людям, в те жернова власти лучше бы не попадать.

Не могу сказать, что он своими речами открыл для меня Америку. Наоборот, я как-то даже расстроился тому, что Шлюндт оказался несколько банален и предсказуем. Впрочем, правда всегда звучит так, поскольку в большинстве случаев она проста и незамысловата, поскольку выдумывать ничего не приходится. То ли дело ложь, вот там есть что послушать и над чем восхищенно поахать.

И только одно во всем этом мне оставалось непонятным, а именно: зачем Ровнин попросил меня рассказать антиквару всю эту историю? Ему в этом какая выгода? Поссорить антиквара с Дормидонтом? А зачем? Ну, положим, случится это, и Карл Августович в гневе решит, что стая зажила на этом свете. Так, как верно было замечено, их еще на поляне запросто можно было всех на ноль помножить, причем даже мараться не пришлось бы, я сам был готов их перебить.

Или они хотят его на горячем подловить и вменить в вину уничтожение семьи волкодлаков, совершенное с особой жестокостью? Снова не бьется вариант, внутренние дела обитателей Ночи не в компетенции Отдела. Так сказать, проблемы индейцев шерифа не волнуют.

И еще – почему у меня из головы не идет тот страшненький аляповатый перстень, что мне Ровнин тогда в своем кабинете в руки не дал? Сдается мне, что блестяшка, происходящая

родом из ревуших девяностых, и только что выполненная мной просьба начальника 15-К есть звенья одной цепи. Одно плохо: я даже не представляю, что это за цепь, где она берет начало и где закончится. И, может, даже не узнаю об этом никогда просто в силу того, что никто из сотрудников Отдела не станет со мной делиться подобной информацией. Не из соображений секретности, а просто по жизни. Кто я им, кто они мне?

Но вряд ли речь идет о смерти Карла Августовича, это слишком плоско и неинтересно. Тут что-то другое, возможно, даже личное, уж очень они вдумчиво к каждому шагу подходят и ресурсов не жалеют. За те же серьги они могли с меня куда большую плату содрать, и я бы на нее согласился, поскольку выбора все равно не имелось. А они мне за здорово живешь все отдали, за пару фраз, ввернутых в разговор. Странно? Еще как.

Так что да, все так, как говорит Шлюндт. Вот только отдельские от него самого не сильно и отличаются, он не лучше. Тоже слова в простоте не скажет, за каждой фразой либо второй смысл стоит, либо издевка, либо интрига. Вот и сейчас, помимо всего прочего, он вдалбливает мне мысли о том, что Отдел – зло, а он – добро. Дескать, беги от них, где они – там беда.

– Ваша правда. – Я открыл коробку, стоящую на столике, взял из нее сигару, понюхал и положил обратно. – Чем дальше от всех этих хитросплетений мы станем находиться, тем лучше. А лично меня сейчас более всего интересует местонахождение предмета, который принадлежал мадмуазель де Бодэ.

– Но-но-но! – Шутливо погрозил мне пальцем Шлюндт. – Говорено же – всему свое время. Впрочем... Скажи, если для удачного решения данной проблемы тебе придется отыскать не только призовой клад, но и еще один, назовем его расходным, ты как на подобное отреагируешь?

– Надо – значит, надо. – Пожал плечами я, сдержав довольную улыбку. Просто так этот старый хрыч подобное спрашивать не станет, значит, есть у него какие-то наметки. – Да польза от этого какая-никакая есть. Никогда не знаешь, в какой момент свободные оборотные средства понадобятся.

– Прости? – озадачился антиквар.

– Вы же сами сказали, что клад не призовой, то есть никому не обещанный, – пояснил я. – Подозреваю, что мы его выкопаем ради какой-то конкретной вещи, нужной для обмена, а остальное содержимое этого клада мне достанется. Впрочем, я не жадина-говядина, потому пару-тройку предметов из него я вам, разумеется, презентую. Сам выберу и подарю.

– Где тот скромный несмышлёный юноша, с которым я свел знакомство на «Парке культуры»? – Всплеснул руками старичок. – Незнакомец, куда ты его дел? Откуда взялось эдакое корыстолюбие?

– Вот зря вы так, – возразил я. – Ничего подобного. И потом – я все же Хранитель кладов, а не их расхититель.

– А кто только что поминал оборотные средства? Не ты ли?

– Я. Но так ведь потенциальные, а не текущие. Мы этот клад поднимем, заберем необходимое, а после я его снова в землю определяю. Пусть лежит и ждет своего часа.

– Даже так, – Шлюндт усмехнулся. – Ты на самом деле матереешь, Валера. И для справки: клад, что заложил Хранитель, никто, кроме него самого, никогда не сможет найти, ни случайно, ни нарочно, ни с тайным словом, ни с явным умыслом. Только разве другой Хранитель, да и то не всякий, а что с закладчиком душевной силой и властью над кладками равен.

– Ишь ты! – цокнул языком я. – Любопытно как. Вот что мне нравится в моей теперешней жизни, так это то, каждый день что-то новое узнаешь.

И я не вру, так оно и есть на самом деле. Кстати, я знаю, что именно зарю в землю, если удастся выпутаться из этой истории живым. Предметы, которые с таким трудом добывал, вот что. Покажу Великому Полозу, и если он их себе не заберет, то зарю прямо под заветным

дубом. Мне самому они не нужны, а кому-то другому я их сроду не отдам, слишком уж дорогой ценой эти вещички мне достались.

Жалко, что серьги помещицы так и остались в Отделе, без них коллекция не полная получается. Хотя, с другой стороны, как раз с серьгами особой мороки не было. Увидел, нарисовал, получил – вот и все.

– Если я в чем тебе и завижуду, так это как раз твоему умению удивляться новому и радоваться сущим мелочам, – вздохнул Шлюндт. – Увы, с возрастом эта счастливая способность нас покижает, на смену ей приходят пресыщенность, равнодушие и категорическое неприятие перемен. Ты все видел, все знаешь, а то, что не укладывается в привычные каноны, не радует, а раздражает, поскольку ставит под сомнение твою компетентность в тех или иных вопросах. И все те, кто эти перемены собой олицетворяют, тоже вызывают не самые лучшие чувства, потому что исподволь, где-то в глубине души, невероятно завижудешь их молодости, азартности, бескомпромиссности, всему тому, что с тобой уже когда-то случилось, но, увы, больше никогда не повторится.

– Вы человек эпохи Возрождения, Карл Августович, – торжественно заявил я. – Вы застряли здесь случайно, по недоразумению. Искусство, философия и умение видеть великое в мелком свойственны тем прекрасным временам, а не теперешним меркантильным дням.

– Ты льстишь мне, Валерий, – рассмеялся антиквар. – Но мне приятно, не скрою. Ладно, пойдем к гостям, не будем давать им дополнительную тему для пересудов.

Он, как всегда, не ошибся – наше появление из курительной комнаты вызвало очередную волну перешептываний. Сдается мне, что твердь моей и без того изрядно подмоченной репутации пополнилась еще одной брешью. Впрочем, меня и до того не слишком беспокоило, кто что обо мне думает, а теперь и вовсе на это начхать. Как, кстати, и моим родителям. Мама всегда была выше подобных мелочей, а отец... Деловая репутация для него все, и это мне известно лучше, чем кому-либо другому, но о такой ерунде, как мнение соседей, он и не задумывался никогда. Да, собственно, он и по именам-то не всех местных обитателей знал, преимущественно женскую часть народонаселения. В силу того, что мужская как заселилась, так тут и жила, а вот женская время от времени менялась. Как правило, по мере выхода в тираж.

Шлюндт куда-то испарился, я даже не заметил, как и когда, мамы и Стеллы тоже видно не было, и я оказался предоставлен сам себе. Скажу честно: соблазн улизнуть из этого своего дома в другой свой же дом был невероятно велик, еле-еле с ним справился. Мама, может, и поймет, но вот Воронежская опять обидится, а мне постоянная грызня с ней изрядно поднадоела за эти месяцы. Тем более что мы вроде на финишную прямую выходим – и по количеству оставшихся предметов, и элементарно по срокам. Что там осталось до дня «Х»? Всего ничего.

Потому я отошел в уголок, уселся на пуфик, которого раньше вроде не было в доме, приклонился спиной к стене и только было собрался, прикрыв глаза, погрузиться в легкую полудрему, как в кармане пискнул смартфон, извещая меня о том, что кто-то стукнулся в «Вотсап».

«Кем-то» оказался Михеев. Уж не знаю, совпало так, или все же они за мной каким-то образом следят, но он интересовался, пообщался ли наконец я с господином Шлюндтом.

«Таки да, – отбил я ему сообщение. – Ему не понравилось услышанное. Что-то еще?»

Ответ пришел не сразу – только минут через пять:

«Если бы ты в следующий понедельник нашел часок-другой и заглянул к нам на Сухаревку, мы были бы рады».

Я ответил, что постараюсь изыскать внутренние резервы, но наверняка обещать ничего не стал. Если эти выходные выйдут по образу и подобию прошлых, то до понедельника – бездны времени. Плюс прикрепил к сообщению изображение разыскиваемой броши, рассудив: почему бы и нет? А вдруг?

Смартфон снова пискнул, я глянул на экран, будучи в полной уверенности, что увижу там сообщение от Михеева, что-то вроде «Ок» или «Договорились», но ошибся, не он один, оказывается, хотел нынче вечером со мной пообщаться.

«Добрый вечер. Долг вежливости матери уже отдан, время платить по другим счетам. Через пять минут будь у входа в дом, я за тобой заеду. Марфа»

Как всегда, все изложено четко и ясно, правда, обычно глава ведьминского ковена все же старается в общении со мной смягчать акценты, а тут прямо категорично так написала, в приказном стиле.

Может, у нее сегодня день не задался? Или просто ждать от меня какой-то инициативы надоело?

Прозвучит странно, но я даже рад, что все обернулось таким образом. Нет, серьезно. Я лучше клад для ведьмы буду искать, чем сидеть на пуфике в отчем доме, слушать шелест пересудов за спиной и изображать, что у меня все хорошо, что я рад снова вернуться сюда, в Петрово-Среднее, и стать одним из них. Почему? Потому что это ни фигя не так. Не рад я. Не видел я их всех столько лет, и еще столько же не видеть.

Нет, мое место там, в темной прохладе, где светляки кружат над могучими дубами, где звезды рисуют на черном небе странные знаки, где земля готова открыть мне тайны, которые скрывала от всех веками. Там я свой, а не здесь.

Надо только Воронежскую позвать. Вернее, предложить ей составить мне компанию, а там пусть она сама решает, как поступить: идти в ночь, или остаться здесь, в компании любителей изящных искусств и холодных закусок.

Но лично мне точно пора. И это здорово!

Глава третья

Почти сразу же после того, как мы со Стеллой вышли за пределы придомовой территории, нам мигнул фарами черный «гелендваген». Нет, положительно хорошо живут ведьмы. Позавидовать можно.

– Не хочется тебя одного отпускать, – сообщила мне Воронежская, зябко поежилась и обняла себя руками за плечи. – Как бы ты опять каких глупостей не натворил.

– Так поехали. – Мотнул я головой в сторону массивного внедорожника. – В чем же дело?

– Сказано же – Марфа не велит, – хмуро ответила она. – Как видно, совсем я у нее из фавора вышла. И все из-за тебя!

– Воронежская, ты повторяешься, – рассмеялся я. – Ладно, давай так. Будем считать, что ты за нас двоих тут отдуваешься. Я сбежал, а ты отважно и героически приняла удар на себя, чтобы спасти мою и без того уже почти пропащую репутацию.

Фары «гелендвагена» снова моргнули, таким образом мне давали понять, что я его пассажиров задерживаю и это не есть хорошо.

Я подошел к машине, после повернулся и сказал Стелле:

– Слушай, ты меня не жди, я сюда точно не вернусь. Как надоест, так уезжай. И еще раз перед мамой извинись, ладно?

– Вали, – хмуро буркнула ведьма и пошла обратно в дом.

Ну а я забрался в теплое нутро машины. Однако точно осень на носу: днем жара стоит, как и раньше, но как только солнышко за горизонт завалится, так сразу холодом тянуть начинает нешуточно. В Москве эти перепады особо пока не ощущаются, там везде асфальт, который какое-то время после заката отдает тепло, накопленное за день, а тут, в пригороде, это хорошо заметно. Вон, на мне вроде и пиджак надет, а все руки гусиной кожей покрылись.

– Милый домик, – сообщила мне Марфа, на этот раз выбравшая одежду в стиле «бабуля собралась за грибами». Разве что только резиновых сапожек не хватало. – У твоих родителей хороший вкус. Да и место славное, защищенное.

– В каком смысле «защищенное»? – заинтересовался я. – Вы же не охрану имеете в виду, верно?

– Если ты об обалдуях в камуфляже на въездной группе, то нет, – ответила верховная ведьма. – О другом речь, разумеется. Видишь ли, когда-то очень давно на том месте, где сейчас стоит ваш поселок, находилась лесная поляна, да не простая, а особенная, причем настолько, что не всякий ее увидеть мог, не говоря уж о том, чтобы по травке-муравке тут побегать и землянику поесть. Что ты удивляешься? Есть такие места и посейчас. Ты, к примеру, его заметишь, а кто другой как ни в чем не бывало пройдет мимо. Вот и та поляна эдакой невидимкой была. А все почему? Потому что на ней в начале всех времен любила отдыхать одна из берегинь. Собственно, она ее для себя и создала, вложив в труд сей часть своей благодной силы. Ты знаешь, кто такие берегини были?

– Слышал, – подтвердил я. – Мне кто-то рассказывал про них.

– Хорошо. Так, кого ждем? Поехали, поехали, – обратилась Марфа к водителю, которым оказалась все та же симпатяшка Васька, на этот раз, правда, одетая попроще, чем при нашей прошлой встрече, без излишней помпезности. – Во-о-от. Берегини ушли за Кромку, но наследие их осталось жить в нашем мире. Время, разумеется, потихоньку подтачивало сотворенное на заре мира, но пережевать совсем пока не смогло. Вот и поляна эта сохранила часть того света, что в нее некогда была вложена. Люди здесь ругаются друг с другом куда реже, чем в других местах, меньше болеют, чаще улыбаются, детишки, тут зачатые, здоровенькими да крепкими рождаются. Одно плохо: таким, как мы, то есть я и мои сестрицы, здесь селиться нельзя. Не наша эта сила. Чужая она нам. Да и тебе постоянно обитать не рекомендую – добра с

того не выйдет. Ты хоть и человеком остался, но место твое все же в Ночи, с нами. А берегини – порождение Дня, их Род создан из утренней росы, рассветной яри и жарких лучей молодого тогда Солнца.

– Надо же, – впечатлился я. – Теперь понятно, почему земля тут столько стояла. Отец тогда крепко в нее вложился деньгами, я это помню.

– Ну, одно с другим вряд ли связано, – усомнилась Марфа. – Не думаю, чтобы риелторы хоть что-то про берегинь знали. Просто направление такое, где дешевой земли вовсе нет. Опять же близость к Москве, развитая инфраструктура... Ладно, это все не столь важно. Валера, прежде чем мы до нужного места доедем, я хотела с тобой кое-что обговорить.

– Внимательно слушаю, – насторожился я.

– Собственно, скрывать от тебя уже особо нечего. – Марфа пожевала губами. – Я имею в виду тот клад, который ты мне сегодня добудешь. Да там, собственно, даже и не клад, а скорее захоронка. Клад – это когда в сундук или чугунок золота-серебра насыпали, а тут речь идет всего-то о двух вещичках – гребешке стальном да колечке медном.

– Что-то мне подсказывает, что эти две вещички по стоимости тянут на десять чугунков с золотом, – чуть насмешливо предположил я. – Не так ли?

– Не так, – опровергла мои слова Марфа. – Совершенно не так. Эти предметы важны лишь для тех, кто понимает их ценность, кто знает, что они такое.

– И как их в ход пускать, – добавила Васька и ойкнула, заработав крепкую затрещину от своей хозяйки.

– Так это нормально. – Пожал плечами я. – Многие вещи существуют по тому же принципу. Мне вот, например, логарифмическая линейка даром не нужна, а математику без нее никак.

– Ты меня не понял, – вздохнула Марфа. – Я о другом речь вела.

– Выходит, что нет, – согласился я.

– По договору ты имеешь право на часть поднятого тобой клада, – ведьма выговаривала слова медленно, как для идиота. – Этот состоит из двух предметов, которые разлучать никак нельзя, им тогда цена грош будет.

– Тьфу! – Поморщился я. – Вот вы о чем! Да не стану я претендовать на кусок гребня, вы получите его целиком. Что до причитающейся мне доли... За вами останется должок, причем больше положенного обещаю не требовать. Такой расклад вас устроит?

– Вполне, – подтвердила Марфа. – Рада, что мы договорились. Нет, все же наговаривают на тебя, определенно наговаривают. Не такой уж и скверный у тебя характер. Вот мы с тобой уже в который раз общаемся и ни разу толком не поругались. А я ведь ведьма, а не какая-то там девица-живица, которая любому захожему молодцу рада.

– Так кто наговаривает-то? – хмыкнул я. – Небось, вурдалаки? Их можно понять, они всегда в пролете.

– Про этих недотыкомок и речи нет, – отмахнулась Марфа. – Я вообще не понимаю, как им удалось до наших дней дотянуть. Раньше, века два назад, кровососы на самом деле представляли собой серьезную силу, поскольку их возможности были огромны, но сейчас, в новые времена, их старые трюки вызывают только улыбку. Внешне может показаться, что они успевают за эпохой, но на самом деле они от нее безнадежно отстали. Впрочем, сами они по простоте душевной так не считают.

– Зато кино хорошее снимают, – влезла в разговор Васька. – Это они умеют. И рекламу тоже.

– Рекламу? – изумился я.

– Ну да. – Васька повернулась ко мне, и я не сдержался от того, чтобы не залюбоваться ее румяной, с ямочками на щеках, мордашкой. – Добрая половина самых продающих роликов снята вурдалаками.

– Вернее, теми, кого они обратили, – поправила ее Марфа. – Поняли, что деградация вот-вот сменится упокоением, и перетянули на свою сторону некоторое количество медийных лиц. Рекламщики, телевизионщики, литераторы – все те, кто может приносить деньги, не особо вылезая на улицу, особенно днем, когда светит солнце.

– Ну вот, а вы говорите «старые трюки», – попенял ведьме я. – Креатив!

– Ничего принципиально нового, – отмахнулась Марфа. – Только применение знаний и опыта стало другое, а по сути все то же самое. Ну и прыть свою поумерили. Раньше, бывало, сначала обратят человека, а после думают, зачем это сделали. А теперь сначала все выяснят, паутину свою вокруг него, как мизгири, сплетут, а уж после клык в ход пускают. Боятся лишней огласки, понимаешь?

– Понимаю, – вздохнул я, – как никто. Вы ведь уже в курсе о моем приключении? Я стал слишком популярен, и эта слава начинает мне дорого обходиться.

– Ты о Дормидонте? – уточнила Марфа. – Ну, этот лохматый никогда крепким умом не отличался, он сначала делает, а потом думает, не то что его родитель. А про такую штуку, как переговоры, вообще слухом не слыхивал. Да и что ждать от полудикого старика, вся сфера интересов которого сжалась до крохотного леска, окруженного со всех сторон городом, слабеющих челюстей и кучки неудачников, которые опрометчиво именуют себя стаей? Вурдалаки на его фоне – вообще венец цивилизации. Хотя, конечно, сожрать тебя он мог. Само собой, после сдох бы непременно, если не от рук судных дьяков, так от наших, но сделанного-то не воротишь.

– Мог, – подтвердил я, – еще как мог. И собирался. И сожрал бы, не сомневайтесь. Кабы не отдельные, то ваши девушки вместо меня на поляне нашли бы кучку свежих субпродуктов. Или даже той не обнаружили. Нет, это не уменьшает мою благодарность за их попытку спасти мою шкуру, разумеется, но факт есть факт.

– Безумцы всегда опасны, – вздохнула ведьма. – Они не подвергают сомнениям свои решения, считая их единственно верными. А отчаявшиеся безумцы опасны вдвойне.

– Вопрос только в том, сколько таких психов, помимо Дормидонта, поглядывает в мою сторону и строит планы, о которых я понятия не имею. Хорошо, в этот раз мне удача улыбнулась, но это не значит, что везение вечно.

– Потому тебе надо было перебить всю эту свору прямо там, на их поляне, – мило улыбнувшись, произнесла Марфа, – без жалости и сантиментов. И поверь, уже очень скоро всякий, кто имеет слух, узнал бы о том, что новый Хранитель кладов не прощает никого, кто пытается навязать ему свои правила игры, подобная мысль не могла не прийти тебе в голову. Так почему же ты этого не сделал? Жалость взяла верх над инстинктом самосохранения?

– Да откуда ей взяться, жалости? – проворчал я. – Тем более что это входило в мои планы. Я даже ружье с правильным боекомплектом, тем, что волкодака с лап на раз валит, у Михеева просил взаймы на пять минут. Но не получилось. У меня перед отдельскими кое-какие обязательства имелись, вот они жизни этих мохнорылых у меня за долги и выкупили. А жаль.

– И мне жаль, – призналась верховная ведьма. – Я Дормидонта терпеть не могу. Впрочем, я и папашу его на нюх не переносила, но тот хотя бы был личностью. Да, на редкость неприятной и ненавидящей мое племя, но личностью. Когда Веретенникова ему голову ножом отчекрыжила во время большой охоты шестидесятого года, я даже рюмку водки выпила за помин души Волчьего Пастыря, вот так-то. А этот... Мерзкий старикашка с не подкрепленными ничем амбициями, и не более того.

Судя по интонациям, с которыми была произнесена фамилия Павлы Никитичны (а речь шла точно о ней), Марфа ее жаловала не больше, чем Дормидонта.

– Ничего, Валера. – Марфа похлопала меня по ладони. – Уверена, что раньше или позже тебе представится возможность свести счеты, надо просто дождаться нужного момента. Но мы ведь никуда и не спешим, верно?

– Если не считать конечной точки нашего маршрута, – добавила Васька задорно. – Хотя тут уже разницы особой нет. Спеша, не спеша – темнота стоит такая, что хоть глаз коли.

– Новолуние на той неделе как раз было. – Глянула в окно Марфа. – Но ничего, фонари у нас есть. Единственная печаль в том, что я тебя, Валера, обманула.

– Вы о чем? – немного напрягся я.

– Так обещано было, что мы еще грибов пособираем, – рассмеялась верховная ведьма, – но в таких потемках... Если только местного лесного хозяина попросить о помощи, но как бы он нам поганок в лукошко не насыпал... Не любят лесовики таких, как мы с Василисой, так уж с давних пор повелось. Специально вредить не станут, поостерегутся, но возможности пакость устроить не упустят.

– Забудьте, – успокоил я женщину. – Грибы – это прекрасно, но, думаю, на этот раз мы без них обойдемся. Главное – найти то, что вам нужно, и забрать это у земли.

– Очень надеюсь, что именно так все и случится. – Лицо моей спутницы словно затвердело. – Я так давно этого жду.

Ой, непростые предметы, чую, мне нынче придется добывать. Сильно непростые, даже на фоне всего того, что мне раньше попадало в руки. И, скорее всего, они из тех, которые лучше не забирать у земли-матушки, потому что неизвестно, какой след за ними тянется. Вот только выбора у меня, увы, особо нет. Какому-нибудь Ростогцеву, может, и удалось бы втереть липу о том, что клад в процессе добывания в руки не дался, но с Марфой такой номер не пройдет. Она мои враки сразу распознает, а после... Даже думать не хочу, что случится после. Да и репутация врать мне не нужна. Я уже понял, что именно она, репутация, является одним из краеугольных камней, которые позволяют более-менее безбедно существовать в подлунном мире. И скрыть здесь ничего не удастся, правда так или иначе выползет наружу.

– Если не секрет, а чьи это вещицы? – поинтересовался я у своей спутницы, не особо, впрочем, рассчитывая на ответ. – Кому они принадлежали? Догадываюсь, что кому-то из ваших предшественниц, но я ведь могу и ошибаться.

– Не ошибаешься. – Марфа достала из кармана вязаной кофты карамельку, развернула фантик и отправила конфету в рот. – Все так. Когда-то очень давно гребень и кольцо принадлежали Неждане. Тебе это имя, само собой, ничего не говорит, ведь так?

– К великому стыду – да.

– Нечего тут стыдиться, – усмехнулась Марфа. – Жила Неждана давным-давно, да и не подпускаем мы, ведьмы, абы кого к подробностям нашей родословной. Но для тебя я исключение сделаю.

– Что приятно, – сказал я, тут же об этом пожалев. Ирония в эти слова не вкладывалась, но кто знает, что придет в голову моей соседке по салону автомобиля?

– Еще бы. – Марфа причмокнула, как бы давая понять, что карамелька чудо как вкусна. – Неждана вела свой корень от тех первых отроковиц, которых подпустили к заветным знаниям, тех, кто листал Книгу Вед, впитывая мудрость создателей мира сего, и спустя годы передал ее своим дочерям.

– А вы, Марфа Петровна, в свою очередь, дочь тех дочерей? – уточнил я, снова не удержавшись.

– Нахал какой! – вполне искренне заявила ведьма, сдвинув брови. – Мне, по-твоему, сколько лет? Пара-тройка тысяч?

– Нет, конечно. – Чуть покраснел я. – В смысле вы их... э-э-э...

– Да, я потомок Нежданы, – оборвала мое блеяние женщина. – Дальний. Сама Неждана покинула этот мир тогда, когда эти земли только обживать начинали, освобождая от леса места

для пахоты. Но память о ней осталась, ибо мы, ведьмы, тем и сильны, что никогда ничего и никого не забываем, а особенно тех, кто достиг истинного величия. Что до гребня да кольца – они переходили в нашем роду от матери к дочери, и цепочка эта не обрывалась веками, и только в нашем поколении вышел, скажем так, сбой.

У, плохо дело. Семейные дела – самые скверные, тут никогда не знаешь, откуда тебе прилетит.

– Бабка Анисья, чтобы ей пусто было там, куда она в результате попала, сестрицу мою младшую, Аглаю, всегда любила больше, – продолжила свой рассказ Марфа. – У меня характер и в юности не сахар был, не любила я сюсюкать и угождать, а Аглая та еще лиса была. «Бабулечка то, бабулечка се» и все такое прочее. Ну, ты понял?

– Понял. – Кивнул я. – И наследство в результате досталось ей. Типовая история, я таких много видел, еще когда с родителями жил. Правда, там обычно молодые жены фигурируют.

– Одно дело дома да банковские счета, другое – то наследство, что от Нежданы осталось. Это ведь такая материя, в которой людские законы не действуют, подобные вещи живут своей жизнью, и если достаются не тому, кому следует, то беды не миновать. Так и вышло. Аглая получила гребень и кольцо из рук Анисьи, которая следом за тем дух испустила, и возгордилась так, что макушкой чуть до облаков не достала. Вот только не в коня корм. За пару лет она переругалась со всеми, с кем можно, сцепилась с несколькими влиятельными особами не наших кровей, в том числе и с хорошо знакомым тебе Карлушей Шлюндтом, а после подалась в бега, потому что оставаться в наших краях ей было неместно. Карл уже поставил кое-кого из свободных охотников на ее след, он ведь мстителен, как слон.

– Слон? – не понял я. – При чем тут слон?

– А ты не знал, что слоны – самые злопамятные существа в живой природе? – рассмеялась Марфа. – После человека, разумеется. Представь себе. Они отлично помнят добро, но еще лучше – зло. Впрочем, наши косолапые им почти не уступают. Но все они мелочь по сравнению со Шлюндтом. Я тебя вроде о том уже предупреждала, но повторю еще раз: бойся перейти Карлу дорогу, он такого не забывает. И упаси тебя тот, в кого ты лично веришь, от насмешки над этим человеком, особенно открытой.

Интересно, почему у нее так искривились губы в тот момент, когда она произнесла слово «человеком»?

– Ну да ладно, мы отклонились в сторону от рассказа. – Марфа достала из кармана кофты еще одну конфету. – Не желаешь? Нет? Ну, как знаешь. Так вот. Сестрица моя себя переоценила, не пошло ей наследство впрок. Чтобы такими вещами владеть, мало амбиций и желаний, силенка нужна для их подчинения, опять же знания монументальные, а их у Аглайки не имелось. Да и откуда? Она предпочитала петь, плясать да интриги плести, а учиться у старших не желала, считала их старыми дурами. Само собой, Нежданино наследие из нее начало жизнь тянуть и за несколько лет иссушило почти до дна. У людей все просто: если даже ты ухватил не свой денежный кусок, он будет тебе служить так же, как и любому другому, деньгам и золоту все равно, кто ими владеет. А тут другие расклады, тут, если не свое взял, а после не доказал, что взятого достоин, считай, подписал себе смертный приговор. Второго шанса под Луной не дают, этот мир не благотворительный фонд, и сестрица моя – тому живой пример. Вернее, мертвый, потому что не справилась с грузом, который сдуру на себя взвалила. И все бы ничего, туда ей и дорога, если бы не одно...

– Она припрятала гребень и кольцо, – закончил я за Марфу. – Причем не просто так, а с каким-то хитрым финтом. Верно?

– Верно, догадливый ты мой, – усмехнулась ведьма. – Я знаю, где лежит ее брненное тело, знаю, куда она схоронила то, что без права забрала у меня много лет назад, я знаю все, но ничего не могу сделать. Аглая при жизни была слабой ведьмой. Да попросту никакой, даже

твоя Стелла, уж на что она дура дурой, и то на две головы выше моей сестрицы. А то и на три. И все-таки одно заклятие она смогла сотворить филигранно. Какое именно, объяснять?

– Да нет, – отказался я. – И так ясно, что она вам пути к захоронке с бабкиным наследством каким-то образом закрыла. Но в чем затык-то? Неужто у вас подручных не хватает, причем сильных и знающих?

Марфа глянула на меня так, как взрослые смотрят на ребенка, который с серьезным видом сообщает им очевидные глупости.

– А, ну да, – понял я свою ошибку. – Кто ставит кошку охранять молоко?

Васька хихикнула, но тут же замолчала.

– Не в этом дело. – Погладила меня по голове Марфа. – Никто из подмосковных ведьм, а может, и российских, не смог бы вот так прийти и выкопать эти предметы. Купить у добытчика или украсть у него же – запросто, но забрать отсюда... Утопия. Просто не сможет ни одна ведьма подобную операцию повернуть, не получится у нее ничего. Будет топтаться на одном месте, ямы рыть, а все впустую. Здесь нужно нечто большее, то, что умеешь только ты и подобные тебе. Вот только с другими Хранителями кладов я договориться так и не смогла. Предшественник твой вреден был безмерно, да еще и не любил наше племя, а Афанасий, что до него на Москве обитал, большую дружбу с ведьмаками водил. Настолько, что соседствовал с одним из них в Замоскворечье, они каждый вечер чаи гоняли. Ведьмаки же нас сильно не жалуют, бывало, что дело даже до драк доходило. Само собой, что я к Афоне даже не совалась. А смысл? Унижаться лишь для того, чтобы услышать отказ? Я себя уважаю, мне такого не надо.

– Про предшественника вы мне уже как-то рассказывали, а вот про Афанасия слышу впервые, – заинтересовался я. – И что с ним случилось в результате? Он-то хоть своей смертью помер?

– Нет. – Покачала головой Марфа. – Не своей. Он лет через пять после войны какой-то особенный клад поднял, такой, что даже для него слишком сильным оказался. Забрать он его у земли забрал, да, видно, что-то не рассчитал. Нашли его на следующее утро в доме мертвого, с перекошенным лицом и выжженными глазами. Кто, что – неизвестно. Ведьмаки землю носом рыли по приказу своего старшего, только без толку, так ничего и не выяснили. И добра, что Афоня накануне нашел, в доме не обнаружили. Сгинуло оно, как его и не было вовсе. Вот так-то.

– Но до Афанасия тоже ведь кто-то да был? – уточнил я. Надо заметить, что тема эта меня крайне занимала. Почему? Надо знать свою историю, без прошлого, уж простите за банальность, нет будущего.

– Наверняка, – подтвердила ведьма. – Но мне, мой милый мальчик, не тысяча лет, как бы скверно я ни выглядела, потому всех предыдущих Хранителей по этой причине знать не могу.

– Зато бабка Дарья, небось, всех знает, – подала голос с переднего сиденья Василиса.

– Вот расскажу Дарье Семеновне при случае, что ты ее бабкой назвала, знаешь, как она порадует? – задумчиво пообещала подчиненной Марфа. – И отблагодарит тебя при первой же возможности.

– Язык мой – враг мой, – вроде как на самом деле испуганно пискнула Васька. Впрочем, я уже понял, что в искусстве притворства ведьмы достигли невероятных высот, потому веры ей нет ни на грош, особенно если глянуть в зеркало заднего вида, в котором отражаются ее смеющиеся и шалые зеленые глаза.

– Осознаёт собственную дурость – уже хорошо, – поделилась со мной мыслью на этот счет Марфа. – Какой-никакой, а шанс на то, что она протянет десяток-другой лет, есть.

– А что, этой Дарье Семеновне на самом деле столько лет, что она всех Хранителей кладов знает? – спросил я.

– Нет, разумеется, – рассмеялась Марфа. – Но живет она поболее моего, так что, может, и знает кого. Хотя не факт. Дарья не любит город, он ей противен, ее дом там, где шумят леса,

журчит вода и шелестит полевая трава под порывами ветра, а я, в свою очередь, ни разу не слышала о Хранителях, которые проживали бы в сельской местности. Они всегда выбирают город, уж не знаю отчего.

Сдается мне, много чего эта Дарья знает, но мне только что дали понять, что дружба дружбой, а табачок все же врозь. Не хочет меня Марфа со своей приятельницей знакомить.

Да и ладно, это не повод для печали. Тем более что у меня других проблем полон рот, и первая из них – ускользающее, как вода сквозь пальцы, время.

– Приехали, – сообщила нам Васька, тормознув и осветив фарами какие-то черные деревья. Скорее всего, лесные, потому что добрались мы к ним по проселочной дороге. Данный вывод я сделал на основании того, что трясло нас последние минут пять пути куда сильнее, чем раньше. – Дальше пути нет. Точнее, есть, но левее километра на два, и ведет он не туда, куда нужно.

– А мне, значит, вон туда надо? – Я потыкал пальцем в сторону деревьев, стоявших сплошной стеной.

– Лови координаты, красавчик, – перегнувшись через сиденье, сказала Васька, нажала пальцем на экран смартфона, который был у нее в руке, и напоследок еще мне и подмигнула. – Теперь точно с местом не промахнешься. И да, тебе туда. Лопата в багажнике, там же лежит фонарик. Аккумулятор заряжен по самое не хочу, не переживай.

– А еще есть тропинка, так что через кусты ломиться не придется, – приободрила меня Марфа. – По ней почти до самого заветного места можно дошагать. Что до лесного хозяина – его не опасайся, он крутить тебя среди трех деревьев не станет, у меня с ним договор имеется на этот счет.

– Насчет меня? – уточнил я.

– Давай ты после в остроумии попрактикуешься? – устало предложила женщина. – Не сейчас. И иди уже, не тяни.

– Марфа Петровна, у клада есть страж? – наконец задал я вопрос, с которого, по идее, стоило бы начать беседу. – Или дело исключительно в проклятии сестры?

– Страж? – Ведьма нехорошо улыбнулась. – Можно назвать его и так. Но страж этот опасен только для меня, тебя он, скорее всего, не тронет. Попугать – непременно попугает, но и только. Не бойся ничего, и тогда с тобой плохое не случится.

– Надо будет последнюю фразу статусом в «ВКонтакте» у себя сделать, – заметила Васька, достала из бардачка большую плитку шоколада с орехами и зашуршала ее оберткой. – Хорошо сказано! Валер, так ты идешь или нет? Просто я сладким делиться не люблю, но машина эта моя, выходит, ты вроде как гость, причем званный, стало быть, по Покону, надо тебе половину того, что сама ем, предложить.

– А еще говорят, что ведьмы врут постоянно. – Я открыл дверь, в салон ворвалась ночная прохлада. Причем ощутимая такая! В Петрово было зябко, тут же – откровенно холодно. Точно лету каюк, вот из леса уже и осенней листвяной прелью тянет.

– Наговаривают, негодяи, – с набитым ртом, в который уже отправился немалый кусок шоколадной плитки, поведала мне Васька. – На самом деле мы вообще никогда не врем. Мы просто всей правды не говорим, а люди уж сами после невесть что додумывают, но, как правило, именно то, что нам нужно.

– Тут идти всего ничего, Валера. – Марфа подалась вперед. – Когда Аглая прятала от меня мое же добро, тут шумела густая дубрава, а край леса был куда дальше того места, где сейчас огни светят. Но время нынче быстрое, а люди – скорые, потому дубравы той давно уже нет, а бывшая лесная глушь превратилась в лесок, где дачники грибы собирают.

Я выбрался из салона, посмотрел назад и на самом деле увидел километрах в трех от нас десятки огоньков. Это светились окна в дачном поселке, причем, судя по всему, довольно большом, домов на сто, а то и поболее.

– Бери лопату и фонарь, – открыв дверь багажника, велела мне Васька, – и возвращайся с удачей. Хочешь, я тебя как-то мотивирую на свершения?

– Пообещаешь в случае успеха отжаться мне со стонами и оханьем? – предположил я.

– Вообще-то я о таком и не думала даже, – озадачилась девушка. – Вот, хотела предложить тебе от чистого сердца полоску шоколада. Я бы ее не стала есть, сберегла. Кстати, ты даже не представляешь, какая это для меня жертва! Но твой вариант тоже ничего, если хочешь, можно и так. Мне Стелку побесить всегда в радость.

– Я подумаю. – Мне стало неловко, приблизительно так же, как много лет назад, в седьмом классе, когда мама обнаружила в моем рюкзаке хастлеровский журнал. Самое забавное, что он был не мой, мне его невесть зачем стремительно созревающая в половом отношении Юлька подложила, но маме ведь этого не объяснишь. Как, впрочем, и то, что нечего по моим рюкзакам лазать. Мама ничего тогда не сказала, даже вида не подала, но мне все равно долго еще неловко было. – Когда вернусь.

Надо признать, что Васька знала толк в инструменте. Лопата была фискарзовская, фонарь – визардовский, так что с чем с чем, а с экипировкой на этот раз у меня проблем не возникло. Впрочем, как и с направлением, тропинка на самом деле начиналась там, где кончался свет автомобильных фар. Я махнул рукой невидимым за стеклом спутницам, закинул лопату на плечо, включил фонарик и направился в лес.

Глава четвертая

Надо заметить, что все те приключения, которые я пережил за последние месяцы, учили меня некоторые вещи и явления воспринимать совсем не так, как ранее. Возьмем тот же ночной лес. Тогда, в начале лета, обстановка, аналогичная той, в которой я нахожусь в данный момент, заставила меня изрядно понервничать. Нет, внешне я бодрился, пытаюсь доказать самому себе, что все нормально, что ничего особенного не происходит, но некий нервячок наличествовал, заставляя меня реагировать на трески и шорохи, которых в это время суток в лесу предостаточно. Не скажу, что прямо уж все поджилки тряслись, это неправда, но на огонек, который столь опрометчиво запалила у старого дуба Воронежская, я ломанул так, что чуть ноги не поломал.

А сейчас? Чихать я хотел на все эти мелочи. Лес и лес, ничем он от дневного не отличается, разве что только запнуться о корень проще. Что до страстей-мордастей, так за них тут отвечает лесовик, и без его ведома меня никто тронуть не посмеет. Разве что только я сам медведю пендаля отвешу, но это вряд ли, поскольку и мне это ни к чему, и взяться ему здесь неоткуда, в такой близости от столицы. В этом лесу из живности, небось, только зайцы да белки есть. Ну, может, пара облезлых лисиц, да и то не факт.

А еще в этом лесу оказались на редкость покладистые и дружелюбные клады, которые, как выяснилось, даже уламывать сдаться не надо. Я-то ожидал того, что наследство Нежданы станет меня стращать, гнать взашей или чего похуже устраивать, ан нет, все вышло наоборот. Оно невероятно обрадовалось моему приходу и чуть не оглушило воплями, требуя, чтобы его немедленно освободили из многолетнего заточения.

– Я здесь, мой дорогой друг, – гомонил клад. – Видишь сияние? Это я и есть! Прошу прощения за то, что придется изрядно поработать лопатой, но ничего не поделаешь, тот, кто отдал меня земле, был не ленив и бережлив. Умоляю тебя, не тяни. Я ужасно устал за эти годы, а глупые искатели сокровищ, время от времени появляющиеся здесь, так и не смогли меня найти. Один совсем рядом бродил – и впустил!

Стоп. Что-то тут не так. Вернее, тут все не так. Не совпадают изначальная информация и то, что мелет этот болтун.

– Слушай, а тебя кто в землю определил? – перестав подрубать лопатой травяной наст у корней высоченного старого вяза, поинтересовался у клада я. – И когда?

– О, мой бывший владелец был особой непростой! – взвизгнул клад. – Он служил самому императору, величайшему из людей, когда-либо рожденных на свет. Правда, сюда меня положил не он сам, а один из его подручных, но это ничего не меняет. Я запомнил тепло рук своего истинного владельца, его дыхание и даже его кровь. Когда он укладывал меня в сундук, то порезал палец об острый край графа.

В высшей степени неосторожно поступил неведомый мне кладоносец, теперь-то я это отлично понимаю. Кровь – одна из вещей, которая в ночном мире всегда имеет значение.

– А звали его... – клад выдержал паузу. – Антуан Жан Огюст Анри Дюронель! Вот как! Я все запомнил!

Ясно. Конкретно это имя мне ничего не говорило, тем более что я вообще никогда особо не интересовался наполеоновскими войнами, а речь, несомненно, шла именно о том времени. Нет, имена основных маршалов Наполеона я, разумеется, еще с институтской поры помнил: Мюрат, Бертье, Бессьер и так далее. Но этого... Впрочем, вру, что-то такое в памяти заворожилось. Не его ли Наполеон начальником московского гарнизона назначил? Тогда неудивительно, что товарищ хорошо прибаррахлился. Уж этот-то наверняка не по захолустным замоскворецким домам шарился, как прочие доблестные вояки непобедимой французской армии, он, поди,

дворянские городские усадьбы на гоп-стоп ставил, те, что близ Кремля стояли. Вон, аграф в разговоре был помянут, это тебе не подсвечник и не средней паршивости шубейка из кролика.

– А наследуешь ему ты, Хранитель, – тараторил тем временем клад. – Ведь он за мной так и не вернулся. Так что отдаюсь в твои руки, бери и владей. Только выкопай меня скорее!

Вот тоже интересно. Его хозяин – француз. Закапывал тоже француз. Драгоценности, по сути, национальности вообще не имеют, что подтверждает мой приобретенный опыт. Неважно, в какой стране она сработана, важно, где обитает в данный момент.

Чего ж этот трепач тогда со мной по-русски говорит?

– Ну же! – проныл клад. – Очень на волю хочу! Пожа-а-а-а-алуйста!

И вот что мне с ним делать? Оставить? Не ровен час, этот балабол обиду на меня затаит, клады все такие, даже если внешне выглядят покладистыми и безобидными. Да и когда я еще сюда вернусь? Ну а если выкопаю, что после с ним делать? В машину Марфы грузить со словами «тут подвернулось по дороге сокровище времен двенадцатого года, прихватил вот»? Ничего глупее представить невозможно.

– Хранитель, если не дашь мне свободу, начну людей губить! – пообещал клад, а в светлом сиянии, неярко бившем из-под земли, появились легкие багровые нотки. – Тут много кто шастает, и по грибы, и по нужде любовной, так я изводить их стану!

Ну, а я что говорил? Вот ведь, все-таки придется его выкапывать, хоть и неохота. Не дай бог кого и вправду погубит. Мне новых грехов на совести не надо, там старых хватает.

– Слушай, а ты тут, в этом леске, один такой, или еще кто обитает из кладов? – работая лопатой, поинтересовался я. – Или у вас не принято общаться друг с другом?

– Не принято, – подтвердил клад. – Да и как? У нас ног нет, друг к дружке в гости не сходишь. Каждому свое место и срок отведены, как положили, так и лежи, жди урочного часа.

– Резонно. – Я вытер пот, выступивший на лбу. Ох, не просифонило бы меня по ночному холодку.

– Но я все равно все про всех знаю – протараторил клад, как видно, испугавшись того, что на этом разговор и закончится. Он вообще оказался изрядным болтуном, сразу видно, что в каком-то смысле француз. – В этом лесу еще двое таких, как я. Ну, не совсем как я... Точнее, совсем не как я. Мы разные тут собрались. Я веселый и добрый, со мной хорошо. А вот на южной опушке лежит старый клад, он мрачный и злой, ты к нему лучше не суйся. Его зарыли давным-давно, он всех людей ненавидит. Двоих недавно в болото завел, есть тут такое в середине леса. Маленькое, но вязкое и глубокое. Золотым блеском этих дурачков заманил и утопил. Ему даже местный владыка не указ, плевать он на него хотел, вот как!

Над нами ухнул филин, тихонько зашуршали кусты, а следом за тем послышались легкие, почти невесомые шаги.

– Мое почтение, лесной хозяин. – Я воткнул лопату в землю, повернулся и отвесил поклон сухенькому бородатому старичку, одетому в потертую ватную фуфайку. – Прости, что без даров, так уж получилось.

– И тебе здравствовать, Хозяин кладов, – чуть подшамкивая, отозвался лесовик. – А что до даров – пустое. Ты меня сильнее порадуешь, если этого пустомелю отсюда куда подальше спровадишь. Так уж он мне надоел своими причитаниями да жалобами – сил нет. До чего дошло – я в эту часть леса без нужды особой ходить перестал. А еще, я так понимаю, ты и с другим подземным сидельцем мне нынче пособишь. Верно ведь?

– Вы про гребешок и кольцо? – уточнил я. – Да?

– Не знаю ничего ни про то, ни про другое. – Сдвинул брови старик. – Я про ведьмин тайник речи веду. Ты же по его душу нагрязнул?

– По его, – подтвердил я. – Да вот перепутал одно с другим, понимаете ли. Принял этот клад за тот. Приходится теперь копать, не оставлять же его здесь.

– Слушай, Хранитель, а у меня, кроме этих, еще один клад есть! Давай ты и его заберешь, а? – Хитро прищурил глаз лесной хозяин. – Одним махом всех троих! И тебе прибыток, и мне облегчение!

– Не советую, – влез в беседу клад. – Тот старик с опушки очень злой, от него хорошего не жди! Кровь на нем, с нее он и силу тянет.

– А ну цыц! – рассердился лесовик. – Тебе слова не давали!

– На крови, значит. – Я снова взялся за лопату. – Плохо.

– Разбойное то золото, – признался лесовик. – Озорвала одно время в этих краях ватага, люди в ней лихие собрались все как один, кровь лили как водицу, свою жизнь в копейку не ставили, а чужой и вовсе цену не назначали. Их это казна, ее атаман в моем лесу спрятал опосля того, как всех своих дружков щурь-травой уморил. Может, делить нажитое на всех не пожелал, может, еще почему, мне то неведомо. Спрятал и ушел, да так и не вернулся. Видать, наткнулся на загольника почище его самого, сила силу завсегда ломит. А казна так тут и лежит, смердит, что куча дерьма, корни деревьев злобой своей подъедает. И ведь чем дальше, тем больше чернота по опушке ползет. Обычный человек ее не увидит, разве что только мураши ледяные по коже у него пробегут да померещится, что в спину кто-то зыркнул, но я-то все примечаю да чую. Мне в моем лесу такого не надо. Хранитель, забери его себе, а я в долгу не останусь.

– Почтенный... Как вас по имени-отчеству? – Я снова воткнул лопату в землю и повернулся к лесовику.

– Фрол Евграфыч, – с достоинством ответил он.

– Почтенный Фрол Евграфыч, ни о каких долгах речь идти даже не может, – заявил ему я. – Ваши сородичи, лесные хозяева, мне жизнь столько раз спасали, что это я вам всем по гроб жизни обязан. И клад этот я непременно из вашего леса уберу, даже не сомневайтесь. Единственное – не сегодня. Не хочу я показывать золото-серебро, тем более такое, той, кто меня у леса ждет. Вы же поняли, о ком речь идет?

– Тоже верно. – Огладил бороду лесовик. – У Марфуты глазок смотрок, она все примечает. А коли что понравится, так непременно под себя подтянуть пожелает.

– Марфута. – Я ткнул лопатой в землю и с удовлетворением услышал, как штык скрежетнул по металлу. – Во как вы ее!

– Так она по моему лесу ишшо мелочью голозадой бегала, – усмехнулся Фрол Евграфыч. – И сестрицы ее тоже. Деревня тут раньше стояла, Вязино звалась, они все отсюда родом и есть.

– Сестрицы? – окапывая по бокам довольно-таки приличных размеров сундук, уточнил я. – Хм-м-м... Только про Аглаю слышал вроде.

– Трое их народилось, одна за другой, – сообщил мне лесовик. – Трое. Прасковья, Марфута да Аглая. Мать ихняя на последней, Аглае, надорвалась да от горячки родильной в могилу сошла, ей даже Анисья-старица, бабка Марфутина, помочь не смогла, хоть и знающей ведуньей была. Ко мне приходила, мандрагир-корень просила, и дал бы я ей его, да откуда взять, коли нету? А через десяток лет и старшенькая, Прасковья, за матерью отправилась. Только, значит, она в возраст вошла, только Анисья начала ей знания да наследие передавать, как сгинула Парашка, будто и не жила вовсе. Куда, чего – неведомо, как ни искали ее следы, все без толку. Да и так ясно было, что нет ее более на свете. Вот так Марфута старшей и стала, только толку с того – чуть. Бабка ее к себе близко не подпускала, видно, недоброе что чуяла, даже для их племени через край бьющее. Или подозревала чего. Прасковью она сильно любила, более остальных, а Марфуте-то завидно, поди, было.

Полагаю, небезосновательно. Убрать сестру, стоящую на дороге к власти и силе, вполне в стиле Марфы Петровны. Да и история с младшенькой в свете этого рассказа заиграла новыми красками. Как-то начал я сомневаться в том, что она сама внезапно постарела и умерла. Чую, помогли ей по-родственному.

Впрочем, это точно не мое дело. Я не полиция нравов и не гражданский суд.

Слушая рассказы лесовика, я наконец-то закончил выкапывать клад, отчистил потемневшие от времени бока сундука от глины и даже сбил напрочь проржавевший замок с петель.

– Открывай! – нетерпеливо потребовал клад. – Отпускай меня!

– Свободен, – разрешил я. – Проваливай.

Крышка скрипнула, в свете фонарика сверкнули камни украшений, которых в сундуке имелось изрядное количество, и это не считая всего прочего, вроде пары золотых блюд, приличных размеров креста того же металла и просто монет. Неплохо поживился в Москве Антуан Жан Огюст Анри Дюронель, надо признать. От души погулял. Не знаю уж, какой он был полководец, но в грабежах месяе толк явно знал.

Как всегда в таких случаях, глаза затянула пелена, предшествующая показу неизбежного ретрофильма. Впрочем, на этот раз пелена выступила его частью, оказавшись дымом канонады. Понятия не имею, какое именно сражение разворачивалось передо мной – то, что случилось под Городечно или под Миром. А может, это была сама Бородинская битва? Нет, нет, положительно не знаю. Дым, орудия, бьющие чуть ли не в упор по мерно шагающим к ним полкам, наша казачья лава, сцепившаяся в жестокой схватке с наполеоновскими уланами, десятки мертвых тел да кровь на траве – вот и все, что я смог разглядеть.

Следом мне показали Москву, старую, низкую, деревянную, ту, которую после называли «допожарной». И горожан, которые передали офицеру в эполетах увесистый узел, содержимое которого наверняка большей частью перешло в выкопанный мной сундук.

И снова Москва, но уже в огне и дыму. Следом за тем я увидел разбитую колесами грязную осеннюю дорогу, которую месили сапогами недавно еще brave солдаты императора, после лес, яму и...

– Всё-ё-ё-ё-ё-ё! – Яркий сноп огня вылетел из сундука, три раза кувыркнулся в воздухе и разлетелся на сотни искр.

Веселый был клад, беззаботный. И ушел легко и радостно, не то что некоторые.

– Уф, сплавил я этого надоедалу наконец-то! – обрадованно пробубнил лесовик и уселся прямо на край ямы. – Вот спасибо тебе! Еще от того ворона старого меня избавь – и вот тогда я совсем счастлив буду!

– Обещал – сделаю, – произнес я, направляя свет фонарика на содержимое сундука и вороша его рукой. – Ого, какой перстенок.

И было чему удивиться. Такой величины алмаз, каковой был вделан в золотую оправу исключительно тонкой работы, не часто увидишь. Не знаю, насколько он чист, но даже в случае наличия желтизны или пузырька все равно должен стоять сильно немало.

Пожалуй, более богатого клада я еще не брал. И если это всего лишь личная захоронка одного из приближенных к императору военачальников, что же тогда таит в себе знаменитое «золото Наполеона»? Даже страшно представить.

А еще, прислушавшись к себе, я понял, что никаких ощущений из разряда «это все мое» или «я теперь богат» не испытываю. Интерес – да, имеется, но исключительно исследовательский, близкий к профессиональному. Как видно, правы древние, говорившие, что когда чего-то у тебя становится много, то оно перестает быть целью, превращаясь в нечто обыденное, будничное. А то и надоевшее.

– Фрол Евграфыч, – обратился я к лесовику, – можно до поры до времени это дело тут прикопать? Мне оно, как говорено, нынче ни к чему, а оставлять его так, на виду, не хочется. Мало ли, кто это все найдет и на какие цели после пустит. Да и жалко, если честно. А души в этом золоте более нет, вас оно не потревожит.

– Дозволяю, – покладисто согласился он. – Пушай лежит, коли мешать не станет.

Кстати. Заодно и проверю, правда ли то, что прикопанные Хранителем клады никто посторонний взять не может. Хотя глупость сказал. Кто его тут искать-то станет, даже если заметит недавно разрытую землю?

Я еще раз глянул на содержимое сундука, подумав немного, взял золотые, с рубинами, серьги и положил их в карман. Воронежской подарю, она к подобным вещам неровно дышит. Все же постаралась моя ведьма сегодня, причем, похоже, от чистого сердца. А вот этот кулон с изумрудом, пожалуй, Юльке завтра преподнесу, только надо коробочку какую-нибудь прикупить в ювелирке. Не могу я отказать себе в удовольствии шокировать немного тетю Жанну. Она же наверняка уверена, что я только что с бомжами за еду не дерусь, а тут такой поворот событий. Причем Певцова-старшая наверняка поймет, что вещичка дочери досталась непростая, с историей. Кто-то, а тетя Жанна в этом толк знает, все в курсе того, сколько она на разные цапки дядь-сережиных денег спускает. Компенсирует, так сказать, работу времени блеском камней. Как говаривала госпожа Ряжская, с которой батя время от времени вел дела: «Хороший изумрудный гарнитур может спрятать дюжину морщин лучше любого пластического хирурга». Она сама дама в годах, так что в этом точно хорошо разбирается.

Я захлопнул сундук, а после, подумав немного и вспомнив один недавний разговор, произнес:

– Отныне клад этот под моей защитой, и никто, кроме меня, взять его права не имеет. Если же кто отважится на такой шаг, пусть добра от взятого не увидит.

Так себе, конечно, сказано, но ничего лучше в голову не пришло. Мне никто секреты мастерства с утвержденными в незапамятные времена формулировками не передавал, так что уж как есть.

– Вот это правильно, – крикнул одобрительно лесной хозяин. – А то шлятся тут, понимаешь, всякие!

Я засыпал яму землей, немного потоптался на этом месте, после осветил его фонариком и недовольно поморщился. Прямо как кабаны рылись, блин!

– Чего не так? – поинтересовался лесовик.

– Да в глаза бросается, – пояснил я. – Все вокруг зеленое, травой поросло, а тут...

– Было бы о чем горевать! – усмехнулся новый знакомец и плюнул мне под ноги.

Я даже удивиться данному поступку не успел, как вдруг из свежеекопанной земли рванулись вверх зеленые стебельки травы вперемешку с земляничными кустиками. Мало того, у самого моего ботинка с чпоканьем выбрался на волю крепенький боровичок, раскрыл шляпку и начал стремительно расти.

– Ничего себе! – восхитился я. – Здорово!

– Была бы земля да деревья, остальное вырастет, – заверил меня лесовик. – Если мешать никто не станет. Так, значит, Хранитель я на тебя с другим кладом надеюсь?

– Дядя Фрол, прямо обижаете вы меня недоверием, – попенял я ему. – На следующей неделе наведаюсь и все сделаю. Само добро, может, тут оставлю, как вот это, но жильца нежелательного из леса точно выселю.

– Вот и ладно. – Потер ладошки лесовик. – Вот и договорились.

– Мне бы сейчас к ведьминому тайнику попасть. – Поежился я, вновь ощутив ночной холодок. – Тому, в котором добро Анисьи-старицы лежит.

– Да с радостью. От него, вестимо, шума, как от того лишенца, что ты нынче извел, нет, и чернота, как от разбойного золота не ползет, но все одно радости никакой. Так-то я с Анисьей ладил, зла меж нами не имелось, но все одно мне ее наследство в лесу не нужно. Особенно если учесть, что вещицам тем лет невесть сколько и сработали их не для простых дел. Да, они вести о себе за эти годы не подали ни разу, должно, спят. Но это покуда! А как проснутся? Так что отведу я тебя туда сам. Да и идти-то здесь всего ничего.

И верно, минут за семь, наверное, мы добрались до небольшой совсем полянки, находящейся в окружении елей, чьи лапы в темноте казались черными.

– Камушек видишь? – Ткнул пальцем лесовик. – Вот под ним добро и спрятано. Иди да бери.

Камушек я заметил, а после еще и луч фонарика на него направил. Булыжник и булыжник, обычный, здоровенный, но не дотягивающий до почетного звания «валун», без каких-либо изысков, вроде витиеватого узора или славянских загадочных символов.

Как-то все слишком просто. Нет, правда. Просто иди и бери.

А так можно?

Нет, Фрола Евграфовича я ни в чем таком не подозреваю, если бы он желал меня умирить, то сделал бы это куда более простым способом. Да и зачем оно ему? Но там, на поляне, под этим булыжником, не просто золото-серебро лежит, а предметы силы, причем сотворенные давным-давно, и наверняка не каким-нибудь сельским кузнецом, а кем-то посерьезнее. Поездка с Ласло в свое время меня кое-чему в этой связи научила.

Я вздохнул, кашлянул, а после сделал первый шаг на поляну. Ну а что мне остается? Постоять здесь, поразмышлять и повернуть обратно? Ни разу не вариант. Я тогда клятву нарушу, что Марфе дал, и с меня за это по-любому спросится. Может, ею самой, а может, и кем посерьезнее. Не просто же так даже самые безбашенные обитатели Ночи не позволяют себе забывать о данных обещаниях, верно? Уж, наверное, их не совесть останавливает и не соображения о толерантности да гуманности. Нет, они понимают, что за все сказанное ранее с них спросится полной мерой.

И с меня тоже, потому как я теперь с ними в одной упряжке.

Я подошел к булыжнику и пнул его ногой. Ничего не произошло, из-под земли не высунулась рука в струпях, чтобы ухватить меня за ногу, гром с небес не грянул, и жуть в формате 6D пред моим взором не предстала.

Но при этом я ничего не слышал. Вообще ничего. Не звал меня клад, что тут лежал, и это было странно. В любой другой ситуации можно было бы предположить, что его здесь и вовсе нет, но ошибка-то исключена. Наверное, местный хозяин знает, что у него где находится, не говоря уж про Марфу.

Я по очереди плюнул на ладони и начал орудовать лопатой, для начала решив подкопаться под камень, чтобы после отволочь его от греха в сторону, аж к самым елкам.

Булыжник этот предсказуемо оказался здоровым невероятно, на поверхности находилась в лучшем случае его треть, потому я его не столько тащил, сколько катил, запыхавшись при этом жутко и окончательно перемазавшись землей. Впрочем, на последнее внимания я уже не обращал.

– Тяжко? – сочувственно спросил у меня Фрол Евграфыч, когда я, отдуваясь, оперся о ствол одинокой березки, затесавшейся в еловую компанию.

– Не то слово. – Вытер пот со лба я. – Ужас. Что у нас, Хранителей кладов, за жизнь? То копай, то тащи, комары еще жизни не дают... А эти все в машинах сидят, кофеек горяченький из термоса пьют. К тебе, дядя Фрол, это не относится, на свой счет мои слова не принимай.

– Ведьмы всегда уют да тепло любили, такая у них натура. – Лесовик поднес ладонь ко рту и дунул на нее, после чего комариная стая, налетевшая сразу же после того, как я пропотел, исчезла без следа. – И чтобы за них работу другие делали. Аглая, правда, не такая вроде была. Эх-ма, как ее скособожило-то! Хотя смерть никого не красит.

Хотел я у него спросить, что он имеет в виду, да не стал, потому как увидел ту, о ком шла речь. Она сидела на краю неглубокой ямки, оставшейся от булыжника, и смотрела на меня.

– Стало быть, это Аглая и есть? – уточнил я у лесовика. – Верно?

– Она, – подтвердил дедок, – самолично. Подтверждаю.

Ну да, жизнь еще до смерти над этой особой хорошо поработала. Если верить тому, что я сегодня про эту даму слышал, ей на момент кончины не так и много лет было, но глаза говорили об обратном.

Старуха. Древняя старуха, сгорбленная, с патлами, свисавшими по обе стороны лица, с впавшими щеками и всем таким прочим. Добавим сюда призрачную синеву и получим результат, который даже очень смелого человека заставит нервничать. Казалось бы, я всякого уже насмотрелся, а в низу живота все одно холодный ком обосновался.

Аглая уставилась на меня, отчего еще и по спине дрожь прошла, после подняла руку и поманила меня длинным костлявым пальцем.

– Не хочешь – не ходи на поляну, – посоветовал мне лесовик. – Тут, в деревьях, она тебя не тронет, нет на то ее власти. Тут мои владения.

– И рад бы не ходить, – вздохнул я, – но придется.

Впрочем, то уже хорошо, что полянка невелика, то есть дойди дело до драки – я как-нибудь да сумею до деревьев добраться, пусть даже не очень здоровым, но все же живым. А дальше – все. Дальше можно ссылаться на события непреодолимой силы, которые помешали мне выполнить обещание.

Вплотную я к Аглае приближаться не стал, оставил себе фору для прыжка в спасительную чащу. Она, впрочем, на этом и не настаивала.

– Марфа послала? – прошелестел ее голос, более всего похожий на шум листвы в дождливый день. – За гребнем и кольцом?

– Верно. – Кивнул я. – Сам бы не пришел, мне до ведьминских сокровищ дела нет. Мне моих хватает с лишком.

– Все же нашла Хранителя. – Тонкие губы растянулись в недоброй улыбке, открыв беззубый рот. – Сама-то не смеет сюда сунуться, и девки ее глупые тоже. Ведьмака как-то раз присылала, только он несолоно хлебавши ушел. Уж не знаю, на чем она его подловила, но, видать, на чем-то горячем. Чтобы ведьмак да ведьме помогал – небывальщина. А ты вот смог. Пришел за моим добром.

Последняя фраза прозвучала довольно-таки недобро, да и глаза призрака, как мне показалось, начали наливаться нехорошей краснотой.

– Уже не твоим, – напрягшись для возможного кувырка в сторону леса, твердо заявил я. – Ты мертва, Аглая. Ты тень. Дух. Призрак. Морок. Выбери сама то название, которое больше нравится. Ты не можешь расчесать волосы гребнем или натянуть кольцо на пальчик, потому что у тебя нет ни того, ни другого. А еще мне очень не хочется отдавать эти предметы твоей сестре, и это на самом деле так. Есть у меня подозрение, что для добрых дел она вряд ли их использует, и в какой-то момент сделанное ею может ударить по мне. Я ведь данные артефакты добыл, вот и спросят у меня, зачем я это сделал и почему. Но изменить ничего нельзя, поэтому я уйду с поляны только после того, как получу их с твоего согласия, или же вовсе без него.

– Ты честен, Хранитель, – прошептал призрак. – Ты не врешь. Странно. Давно такого не видала. Удивил.

Сверкнула искорка, ударив меня в лоб. Несильно совсем ударив, еле ощутимо. Следом прилетела вторая, попав в грудь, причем и та и другая после скатились вниз, на землю, где и остались лежать, еле-еле поблескивая среди травы.

– Забирай, – вытянув костлявую руку в мою сторону, велел призрак ведьмы. – Отдай ей, пусть владеет на свою голову. Знаешь, Хранитель, чужое добро счастья и удачи никогда никому не приносило, в том убедилась на своем опыте. Раньше или позже за него приходится платить сторицей, даже если не самому хитнику, так детям его или внукам. А вот такое, что сработано в те времена, когда старые боги в самой силе были, еще и жизнь укорачивает. Сестрица думает, что сможет обмануть всех, включая ту, что раньше или позже до каждого доберется? Пусть. Оно и славно – быстрее свидимся.

И призрак засмеялся, сначала тихонечко, еле слышно, но с каждой секундой громкость возрастала, под конец став такой, что у меня в голове зазвенело. Про то, каким жутким этот смех оказался, я уж и говорить-то не стану.

Но все это не мешало мне отыскать на земле коротенький гребешок с семью длинными зубцами и простенькое колечко.

– Камень мой верни на место, – отсмеявшись, велела мне Аглая. – Поставь так, как раньше, ясно?

– Сейчас сделаю. – Кивнул я.

– И больше сюда не приходи. – Призрак засиял куда ярче, чем раньше. – В другой раз целым не уйдешь, ясно? Марфе передай: это все, что она получит, ни книги, ни ножа ей не видать, кого бы ни прислала.

– Передам, – послушно повторил я. – Нет проблем. Только вот...

– Что? – немного раздраженно уточнил призрак.

– Если Марфа надумает сдать обратно полученное сегодня, я могу сюда навеститься? Ну, мало ли. Она в самом деле женщина умная, вдруг осознает, что совершила ошибку?

– Тогда приходи, – поразмыслив пару секунд, произнесла Аглая. – Дозволяю. А теперь тащи камень. И присыпь его землей хорошенько!

На этот раз я не ворчал на тяжесть булыжника, мне хотелось поскорее завершить работу и свалить с этой поляны куда подальше. Я понимал, что мне сегодня очень повезло, поскольку я столкнулся с чем-то совершенно мне до того неизвестным, но при этом смертельно опасным. Впрочем, некоторая гордость внутри тоже имелаась. Почему? Потому что столкнулся, выжил и даже все, что нужно, получил. Как ни крути – победа.

Я установил камень, потоптал ногами землю, насыпанную вокруг него, а после, подумав, отвесил поясной поклон, добавив:

– Спасибо тебе, Аглая, за разговор, подарок да совет.

И в этот самый момент из-под камня высунулась призрачная рука, которую я, пожалуй, ни с какой другой уже не спутаю. Высунулась, удлинилась невероятно, а после впечатала мне прямоком в лоб невозможно холодную ладонь.

Глава пятая

Не знаю, что в ушах отдавалось дольше – звон от удара или же пронзительно-ехидный смех мертвячки.

– Не пугайся, Хранитель кладов, – услышал я ее голос, когда поднялся на ноги. – Клянусь Луной, что тебе от моего прощального тумака вреда не будет, поскольку между нами вражды нет. Ну, разве ума чуть добавится, так это только на пользу, разве не так? Просто восхотелось мне Марфуте поклон передать.

– Можно было бы и на словах, – пробормотал я, отходя к елкам. – Зачем сразу в лоб-то?

– Слова – только слова, – пояснила Аглая. – Они – что птица: вспорхнули в небо – и нет их. А я все же послание шлю любимой сестрице, которую сто лет не видела. Тут с почтением надо, с вежеством, с памятью долгой, обоюдной.

Мне было что сказать этой даме, но я решил от комментариев воздержаться. Кто их, мертвых, знает? Сейчас, если верить ее словам, между нами вражды нет, и это очень хорошо. Но кто знает, как повернется дело, если она на меня зуб затаит? Не ровен час, сниться повадится или, того хуже, по ночам на мой балкон таскаться, а после в окно костяшками пальцев стучать. Да это еще ладно, а что если начнет по квартире мыкаться? Хотя нет, последнее вряд ли возможно, если бы она с этой поляны уходить могла, то давно бы Марфу Петровну придушила.

Только все равно с мертвыми лучше не спорить, это я давно понял. Тем более Аглая Луной поклялась, что вреда от ее тычка мне не ждать. Думаю, такими клятвами даже в посмертии не разбрасываются. Ну а проблемы Марфы Петровны меня не сильно волнуют. Она желала получить гребень и кольцо? Она их получит, я свое слово сдержу. Что же до довеска, так он ей достанется в комплекте с желаемым, и моей вины в том нет.

– А в молодости она куда как хороша была, – сообщил мне лесовик, когда я вернулся обратно в еловые посадки. – Не девка, а загляденье. Теперь же даже меня жуть берет, когда ее вижу.

– Ну да, – согласился с ним я и потер лоб. – Наверное.

– Так что, Хранитель, может, заодно все же и последний клад проведаешь? – вкрадчиво поинтересовался лесовик. – А? Где две, там и три? Одним махом, дружно, как встарь водилось?

– Дядя Фрол, я бы и рад, да сил совсем не осталось. – Мне даже не пришлось врать, поскольку меня и в самом деле ноги уже почти не держали. – Вымотался нынче до упора, а ваш третий клад, насколько я понял, не из простых, так как на крови заложен. С ним легко не договоришься, он сопротивляться станет, а у меня руки-ноги еле двигаются, особенно после перетаскивания того булыжника.

– Да оно понятно, – посопел лесной хозяин. – Просто опостылел мне этот поганец, больно много стал свинячить в моем лесу. А власти над ним нет. Он же даже не мертвяк, понимаешь? Руки у меня короткие, вот какая докука.

– Пара-тройка дней – и изживем вашего квартиранта, – пообещал я. – Край – конец этой недели. Слово Хранителя.

– Ну, столько подожду, – обрадовался лесовик. – Ну вот, парень, мы как раз и дошли до опушки. Вон твоя повозка стоит, огнями светит, мотыльков гоняет.

И верно – через мгновение я увидел «гелендваген», в котором сидела Марфа, Ваську, курящую рядом с ним, и изрядно поредевшие огни поселка, раскинувшегося поодаль. Ночь вступила в свои права, люди легли спать, и только я, несчастный, мотался по лесам.

– Держи-ка. – Фрол Евграфович сунул мне в руки лукошко, из которого прямо пахло свежесорванными грибами. – Со сметанкой поджарь да с лучком, грибы в таком виде ох и вкусны!

– Или с картошечкой. – Сглотнул слюну я. После слов лесовика мне еще и есть захотелось адски, поскольку пообедать я пообедал, а вот с ужином не сложилось. – Спасибо тебе, дядя Фрол. И до скорой встречи. Жди, я на этой неделе непременно приеду, если жив буду.

– Вот же дурень! – Теперь уже его ладонь вlepилась мне в лоб. Что за ночь такая? Все меня ударить норовят. – Не буди лихо, пока оно тихо!

Шорох травы – и лесовика след простыл. Я отвесил поклон кустам, находящимся передо мной, еще раз поблагодарил радушного и добросердечного хозяина этого леса да и пошел к машине.

– Живой! – звонко произнесла Васька, заприметив меня, и ловко выпустила колечко дыма. – Но я верила в тебя, Валера, ты даже не сомневайся. Кое-кто из наших тебя тyфяком считает, но не я. Чего надо добыл?

– Дай зыбануть разок. – Я вынул у нее из пальцев сигарету и затянулся ей. – Уф, хорошо. Продрог совсем.

– Так ночь на дворе, осень на носу, лес – вон он. – Кивнула Васька. – Чего ты хотел?

– Чего хотел? Дома оказаться, – ответил я, – в своей постели. Там тепло и хорошо.

– Принес? – Марфа, несомненно, сразу приметившая меня, не выдержала и вылезла из машины. – Или нет?

– Принес. – Я сделал еще одну затяжку, а после вернул окурок владелице. – Держи. И вы, Марфа Петровна, примите свое фамильное имущество.

Я достал из кармана два предмета, полученных недавно на поляне, и протянул их верховной ведьме.

Надо же, впервые вижу, чтобы Марфа нервничала. В разных ситуациях я ее за это лето повидал, но она всегда была невозмутима. Ну или искусно изображала те или иные эмоции. А тут прямо вот нервяк ее бьет, руки вон трясутся. Такое не сыграешь.

Ведьма поднесла ладонь, на которой лежали гребешок и кольцо, к лицу, так, что предметы оказались вровень с глазами, глубоко вздохнула, и я увидел, как они замерцали зеленоватым светом. Смотрелось это красиво и слегка жутковато. За моим плечом сопела Васька, я ощущал легкий и терпкий запах ее духов. Мало того, в какой-то момент я понял, что ее ладонь легла в мою. Вот что они за народ такой, эти ведьмы? Такое ощущение, что если ты не заполучила в число своих поклонников всех особей мужского пола, то жизнь не удалась.

Марфа счастливо улыбнулась и натянула кольцо на безымянный палец левой руки, а гребешок воткнула в свои седоватые волосы.

– Так что, Марфа Петровна, вы результатом удовлетворены? – уточнил я. – Мы в расчете?

– В полном, – подтвердила верховная ведьма. – Ты даже не представляешь, Хранитель, как же я...

– Радуешься? – вдруг вырвался из моего горла совсем не мой голос. Более того, рот открывался против моей воли, и это было очень странное ощущение. – Радуйся, сродственница, радуйся, пока можешь. Глядишь, и на моей улочке скоро праздник будет! Ха!

Вот, значит, что имела в виду Аглая, говоря о передаче поклона сестрице. Так себе способ, если честно. Мне не понравилось.

– Это чего было? – отшатнулась от меня Васька. – А?

– Сестра моя о себе весточку подала, – задумчиво произнесла Марфа Петровна, покрутив на пальце кольцо. – Валера, ты, стало быть, с ней пообщался?

– Довелось, – не стал врать я. – Плохого не скажу, убить она меня не пыталась, даже особо не пугала. Под конец только ладонью шарахнула, результат удара вы только что видели. Но я никак не мог этого избежать, все произошло очень быстро. И рассказать не успел, вы...

– К тебе претензий у меня нет, – оборвала мои речи верховная ведьма. – Ни по обещанной помощи, ни по тому, что случилось. А вот к сестрице они появились. Не надо так со мной. Не стоит. Даже если ты одной ногой за Кромкой находишься – не надо.

Надо же, за одну ночь мне довелось увидеть Марфу Петровну сразу в двух ипостасях – радостной и злой. Первая мне нравилась больше.

Ох, как верховную ведьму покойная сестрица из себя-то вывела! Она разве что только не искрит от ярости.

– Еще она велела передать, чтобы на ее поляну больше не совались под страхом смерти, – решил не откладывать в дальний ящик поручение Аглаи я. – Ни ножа, ни книги она не отдаст ни мне, ни кому-то другому. Сразу скажу: лично я туда точно не хожу, уж не обессудьте. Есть у меня подозрение, что сестра ваша не шутила, в следующий раз дело миром не кончится. И я не уверен в том, что смогу с ней совладать, больно разные у нас весовые категории.

– Ты же смелый парень, Валера, – усмехнулась Марфа. – Неужто ты испугаешься тени давно умершей неудачницы?

– Смелый, – подтвердил я, – но на поляну больше не пойду. Не хочу. Так что в качестве оплаты за услугу этот вариант точно не пройдет, имейте в виду.

– Хорошо, – согласилась Марфа. – Будь по-твоему. Да и не сильно мне та книга с ножом и нужна.

Интересно, а почему она сразу все четыре предмета не пожелала заполучить? Мне же без разницы, сколько вещей добывать. Наверняка ведь какая-то причина на это есть.

– Может, поедет? – подавив зевок, спросил я. – И это... Надеюсь, мои слова ничего не изменили в наших традиционно дружеских отношениях, и вы до дома меня подбросите?

– Ну, конечно же. – Улыбнулась Марфа, и Васька за ней следом кивнула. – Жизнь – сложная штука, Валера, если на каждое «нет» реагировать болезненно, то долго ты не протянешь – умрешь от нервного истощения.

– Не хочу умирать, – пробормотал я, убирая корзину с грибами в багажник. – Хочу жить долго и счастливо.

– Ну, с этим тоже не всегда складывается. – С ехидцей глянула на меня Верховная Ведьма. – Я же говорю: жизнь – сложная штука. Она, знаешь ли, любит подкидывать каждому из нас совершенно неожиданные сюрпризы. Ты вроде все знаешь наперед, ко всему приготовился, а судьба – раз – и выкинула неожиданный фортель. И все, пошли дела по новой колее.

И ведь накаркала, зараза такая. Когда я, клюющий носом и с трудом волокущий ставшую невероятно тяжелой корзину, буквально вывалился из лифта, то обнаружил там Стеллу, которая за каким-то чертом ждала меня на этаже.

– Швецов, у тебя совесть есть? – набросилась она на меня, вскочив со ступеньки, на которой сидела. – А? Я, как какая-то бомжиха, сижу в заспанном подъезде...

– Ты, ведьма, давай, не того! – раздался возмущенный голос Анисия Фомича. – Нормальный у меня подъезд, никто в нем нужду не справляет. И приехала ты всего десять минут как!

– Тьфу на тебя, заполошный! – немедленно вызверилась на подъездного ведьма. – Да и не многое это меняет, главное... Валер, ты куда?

Ведьму, как видно, невероятно удивил тот факт, что я просто побрел к двери, совершенно не обращая на нее внимания. Я частенько так поступал и раньше, но чтобы совсем уж игнорировать – такого не случалось.

– Спать, – пробормотал я, открывая дверь. – Все – завтра. Вернее, сегодня. Только потом. Потом.

Грибы, конечно, следовало бы почистить, но сил на это не было совершенно. Да что грибы? Я штаны – и те стянул на последнем издыхании, уже практически коснувшись головой подушки.

– Ты уснешь, зная, что рядом эта змея подколотная? – возмущенно взвизгнул в ушах голос обитательницы браслета, которая наконец-то удостоила меня своим общением. – В твоём доме? С собой рядом?

– Тебе надо – ты и сторожи, – то ли про себя, то ли вслух произнес я. – Разрешаю сие и даже поручаю. А теперь отвалите от меня все! Я – сплю.

– Так нельзя! – возмутилась браслетница. – Так не положено!

– Положено, – выдавил из себя я.

– Валера! – Начала трясти меня за плечо Стелла. – Нам поговорить надо. Срочно!

– Да блин. Не надо. Ничего не надо. – Я с трудом разлепил глаза. – Завтра. Все завтра.

– Как завтра? – чуть не плача, спросила Воронецкая. – Дело важное, я специально тебя тут ждала!

– Пусть проваливает, – вторила ей жительница из украшения. – Прямо сейчас! Или я с тобой неделю говорить не стану. Нет. Даже две!

– Как же вы мне все дороги! – вроде бы громко рявкнул я, но, скорее всего, это было не так, потому что реальность перед глазами окончательно поплыла, поплыла, а после вовсе превратилась в сон.

Я вымотался так, что мне даже София де Бодэ не снилась, хотя, по идее, должна была. Если уж один раз предмет примерещился, то все, от него не отвяжешься, пока не найдешь. А тут – ничего, спал как младенец, крепко и безмятежно, и, возможно, подрых бы до полудня, опоздав на званный обед к Певцовым, кабы не собственное раздолбайство. Забыл я накануне с устатку левой шторой окно задернуть, потому и разбудил меня яркий луч взошедшего на небо солнца. Кто-то на такие вещи не реагирует совершенно, а вот я просыпаюсь, имеется такая слабость. Как влупит солнце в глаза, пусть и закрытые, так все, прощай, царство Морфея.

Ну а остатки сна слетели с меня тогда, когда я обнаружил, что рядышком расположилась Стелла, закинувшая мне руку на грудь и тихонько посвистывающая носом. Забавно, но сейчас она была совсем не такой, какой я привык ее обычно видеть. Не было в ее лице постоянной легкой агрессии ко всему миру и желания стать первой во всем. Женщина и женщина, красивая, незащищенная. И еще сон, конечно, накинуд ей десятка полтора лет, кабы не больше. Вылезли тут и там легкие морщинки, да и вообще... Но меня, например, это не сильно смутило, мы все не бессмертны, мы все стареем. Хотя легкую неловкость я все же испытал, появилось детское ощущение, что я за Стеллой подглядываю исподтишка в надежде увидеть то, что не положено.

Кстати, о неположенном. Надеюсь, мы не шалили в ночи? Вряд ли, конечно, я так устал накануне, что использовать меня можно было только в качестве бревна, но кто их, ведьм, знает?

Вдумчивый взгляд под одеяло подарил мне понимание того, что, похоже, все-таки не шалили, а также знание того, что у Воронецкой, оказывается, на теле имеется несколько татуировок, причем довольно оригинальных. На правом бедре у нее, например, набита птица Сирин, а под левой грудью – какой-то смутно знакомый знак, напоминающий столб с подпоркой. Но это, конечно, был никакой не столб, с чего бы Стелле такую ерунду на свое тело наносить? А еще мгновением позже я вспомнил, что это за знак и где я его видел. В институте, на втором курсе, когда мы славянистику изучали во всем ее многообразии. Это руна, и называется она, если не ошибаюсь, «Алатырь». Во времена наших пращуров знак сей имел несколько значений, основными из которых являлись верность роду, величие и начало нового пути, сиречь – перерождение в своем же сознании. Не упомянутое ранее бессмертие, но что-то вроде того.

А еще эта руна напрямую соотносилась с одноименным бел-горюч камнем, лежащим где-то в море-окияне, да на острове Буяне. Очень непростым камнем, через который можно было попасть в любой из трех миров, существовавших в верованиях наших предков, то есть и в Навь, и в Правь, и в Явь. Почему? Да потому что бел-горюч камень Алатырь существовал в каждом из них, причем, так сказать, в едином лице. Он был один на все измерения. Найди его, скажи нужные слова, принеси правильный дар Роду, что этот камень создал, и ты откроешь себе дверь туда, куда тебе нужно попасть в данный момент.

Ой, Стелла, непростой ты знак себе выбрала. Сильно непростой. Понятно, что все это сказки и нет никакого острова Буяна, вот только кто знает, что в себе несет эта руна, особенно

в контексте всего, что я за это лето узнал? И еще один момент интересен: я же не в первый раз вижу тело своей напарницы, доводилось созерцать его и почти без ничего, так почему раньше эти татуировки не заметил? Может, оттого, что я не должен был их увидеть? Как, впрочем, и кто-либо другой?

Воронецкая, словно почував, что я на нее смотрю, сонно приоткрыла глаза и улыбнулась. Хорошо так, по-детски, трогательно. И не скажешь ведь, что рядом ведьма лежит. Женщина и женщина, красивая, домашняя.

Одно жалко – это очарование продлилось недолго.

– Чего уставился? – недовольно спросила Стелла у меня, и ее рука дернулась так, будто она хотела закрыть лицо. – Отвернись, я встану.

– Хорошо, – покладисто согласился я, выполняя ее просьбу. – Как скажешь. Халат, если что, в шкафу, на второй полке сверху.

– Небось, твоей подружки? – язвительно спросила Воронежская. – Я, знаешь ли, крайне брезглива, потому...

– Не хочешь – не надо, – перебил ее я. – Чем богаты, тем и рады. Как вариант – у меня футболок полно, бери любую. Мне не жалко, я не жадный.

– Сказала бы какую-то гадость на данный счет, но против правды не попрешь. – Стелла скрипнула дверцей шкафа. – Это на самом деле так. Хуже того – ты еще тот мот, не сказать растяпа. Если посчитать все деньги, на которые тебя Шлюндт надул, получится изрядная сумма.

– Полагаю, что он надул бы меня даже в том случае, если бы я торговался за каждый рубль. Так уж Карл Августович устроен. И вообще, мне кажется, что если он на ком-то за день не наживется, то ночью не уснет.

– Валер, а ты никогда не задумывался о том, кто он вообще есть такой? – задумчиво произнесла Стелла. – Да ты повернись уже, мне со спиной разговаривать дискомфортно.

И как она это делает? В душ не ходила, макияж не накладывала, но передо мной снова девица вполне себе цветущего вида. И куда же делась та дама средних лет, что пять минут назад обнимала меня в постели?

Тайна сия великая есть. А если проще – ведьма – она и есть ведьма.

– Думал, – ответил я на вопрос напарницы, – но ответа не нашел. Была у меня версия, что он лепреккон, больно уж золото-серебро любит, но что исконному обитателю Ирландии делать на среднерусской равнине? У нас и климат не тот, и пиво вместо эля. Да и потом, лепрекконы не столько тащат каждую монетку в свой карман, сколько горшок с уже приобретенным стерегут, а Карл Августович все время в погоне за новой наживой проводит.

– Ну да, версия так себе. – Стелла уселась на стул, подогнув одну ногу под себя. С учетом того, что она все же проигнорировала халат и натянула футболку, картина вышла из числа тех, что будоражат во снах воображение старшеклассников. – Но моя еще хуже.

– Если не секрет?

– Мне как-то после бутылки «Шериданса» пришло в голову, что он дракон. – Воронежская цапнула со стола телефон и начала в нем копать. – Вот они как раз любят золото больше всего на свете и вечно его копят. Да и внешне он на него похож, согласись. Эти глаза колючие, змеиная улыбка, челюсть нижняя неподвижная... Бр-р-р... Как есть гад ползучий. То есть летучий. И все бы ничего, но есть одно но – драконов не существует. Все есть: ведьмы, ведьмаки, гули, домовые, мавки, полуденницы, огневики, арыси, водяные, Лихо Одноглазое, Кошечевичи, – а драконов нет. По крайней мере, как ты выразился, на нашей среднерусской равнине. Нет, даже не так: никто никогда их не видел и о них не слышал, даже те, кто долго мотался по миру. То ли и не было драконов никогда, то ли вымерли они вместе с динозаврами.

– А Змей Горыныч? – возразил ей я. – Если даже Лихо Одноглазое и Кашей существуют, то он-то точно существовал?

– Не знаю, ничего на этот счет никто мне никогда не рассказывал. И не Кашей, а Кошевичи, это разные сущности, – рассеянно ответила Воронцовская. – На тебя кашу заказывать? Или ты сэндвичами с сыром, омлетом и ветчиной обойдешься?

– А ты чего там делаешь? – уточнил я, а после заметил одну очень важную деталь. – И вообще, с какого ты в моем телефоне роешься?

– Мой в сумке, идти лень, – пояснила ведьма, – а есть хочется. Вот, заказываю нам с тобой завтрак.

– Круассанов пяток закажи, – попросил ее я. – Ты вчера, помнится, моего соседа словесно задела, потому давай, замаливай грехи.

– Говорить ведьме слово «замаливай» есть моветон, – заметила Стелла. – И вообще, до чего я с тобой докатилась – с домовиком политесы развожу. Тьфу! Всё, я в душ, а ты приготовь деньги. И если курьер доберется быстрее, чем я выйду из ванной комнаты, то, не скупясь, дай ему на чай.

– погоди, – остановил я ее. – Ты вчера что-то важное мне хотела сказать. Что именно?

– Это было вчера. – Ее пальчик уперся мне в нос. – Ты слушать не стал и выбрал сон, что меня очень задело. Я старалась для нас обоих, а ты... Короче, теперь из вредности буду какое-то время молчать, пусть даже и себе в убыток. Как минимум до того момента, пока не позавтракаю.

И на самом деле, до той поры, пока она не выпила две чашки очень крепкого свежесваренного кофе, не умяла плюшку овсянки и три круассана, ничего мне от нее добиться не удалось, и, судя по хитрому взгляду, это был не предел. Не знаю, сколько бы она еще тиранила мое любопытство, не задержайся на столе мой смартфон, сообщая о том, что звонит недавно помянутый Карл Августович.

– Шлюндт? – встрепелась ведьма. – Не бери трубку!

– С чего бы? – удивился я. – Это невежливо. Опять же – вдруг он до чего полезного докопался? Я брошь, что мы сейчас ищем, имею в виду.

– Все так и есть, – прошипела Воронцовская, – но ты трубку не бери, ясно? На нем одном свет не сошелся!

О как. Неожиданно.

Телефон еще какое-то время поиграл музыку, погудел вибровонком, да и стих.

– Минут через десять он снова меня наберет, – многозначительно произнес я и постучал ногтем по экрану смартфона. – А если не отвечу – так и приедет. Ну?

– Елки гну, – фыркнула Стелла. – Как десять согну, так тебе дам одну. Пока ты катался с прошмандовкой Васькой на машине, я, между прочим, за нас двоих отдувалась. И маму твою обхаживала, и тому же Шлюндту улыбалась, и приятное впечатление на друзей семьи производила. Если ты не понял, все заметили, что мы пришли вместе. Заметили и сделали кое-какие выводы. Все же ты наследник серьезного состояния, это обязывает.

Боги мои, я даже не желаю знать, что она вкладывает в слова «впечатление производила». И видеть никого из тех, кто был поименован как «друзья семьи», в ближайший год тоже, чтобы ничего им не объяснять. А лучше вообще до конца своих дней.

– Так вот, был среди гостей один любопытный господин, – продолжила Стелла. – Не в смысле любознательный, а в смысле осведомленный в ряде вопросов, в том числе связанных с темой антиквариата и коллекционирования. Понял, о чем я речь веду?

– Кажется, да, – посерьезнел я. – Хм, странно. А это кто? Вроде раньше таких в окружении мамы не водилось. Может, кто из новых знакомых, тех, что после моего исхода из отчего дома появились?

– Некто Николай Анатольевич. – Воронцовская глотнула кофе. – Высокий такой старикан, седой, с выправкой бывшего вояки. Но живчик, живчик! Так, знаешь ли, мое декольте взглядом жег, что платье чуть не задымилось.

– А, теперь понял. – Заулыбался я. – Есть такой, Антипов его фамилия. Ну да, этот может. Не знаю, как сейчас, но раньше он жен раз в три года менял, причем каждая последующая была на несколько лет моложе предыдущей. Помню, я еще гадал, что он станет делать, когда женится на восемнадцатилетней, дальше-то все, тупик, предусмотренный Уголовным кодексом. Но девчонки в претензии точно не оставались, он им очень хорошие отступные давал при разводе. Странно, что мама его позвала, ей вся эта брачная карусель очень не нравилась. Она отнюдь не моралистка, но некоторые основы института семьи и брака ей небезразличны.

– И хорошо, что позвала, – Стелла снова глотнула кофе и горделиво задрала нос, – потому что этот самый Николай Анатольевич рассказал мне, у кого именно хранится интересующее нас украшение. Я ему рисунок показала, поулыбалась, глазки построила, он перья, как тот петушок, распушил, а после мне всю подноготную вопроса и выложил. Вот так-то!

– Лихо, – признал я, салютуя ведьме своей чашкой. – Удивила и порадовала. Признаю свою неправоту, надо было тебя еще вчера выслушать.

– То-то, – еще сильнее возгордилась Стелла. – Теперь понял, почему со Шлюндтом не стоило говорить? Он, скорее всего, не знает, что я в курсе, я с этим дедом общалась уже после того, как он свалил. Собственно, я к нему и подошла-то потому, что заметила, как Карлуша о чем-то с ним трет, причем крайне деловито. Они, похоже, давно знакомы, сложилось у меня такое впечатление.

– Запросто, – подтвердил я. – Антипов же коллекционер, он революционный фарфор собирает.

– Чего собирает? – изумилась Стелла.

– В двадцатые годы того века в РСФСР одно время выпускали тарелки фарфоровые, агитационного толка, – пояснил я, – с рисунками по всей поверхности. Большевики, флаги, «Аврора», то, се... Главной по этим тарелочкам была Щекатихина, но и другие мастера тоже свою руку приложили. Так что на этой теме они запросто могли знакомство раньше свести, Шлюндт ведь торгует всем, что можно продать.

– Чудны пути твои... – вздохнула Стелла. – Ладно, не суть. Так вот, видел он эту брошь с гербом. Она находится в коллекции некоего Боровикова. Насколько я поняла, он Антипову твоему ровесник и конкретно подвинут на теме белого движения.

– Так и есть. – Я подпер щеку ладонью и печально глянул на сотрапезницу. – И скажу тебе так, дорогая: новость, с одной стороны, хорошая, потому что предмет найден, а с другой – хреновая. Мне этот Боровиков немного известен, понаслышке, разумеется. У него отец как-то раз хотел картину купить маме в подарок на день рождения. И не выкупил, несмотря на все свое умение убеждать и финансовую состоятельность. Уперся этот старый хрыч, и все тут. Не любит он расставаться с предметами из своей коллекции, просто ни в какую. Уж вроде тот француз-художник не по его основному профилю был, и все равно ведь не продал.

– Не сходится задачка с ответом. – Покачала головой Стелла. – Карл тебе звонил? Звонил. Значит, он знает, как до броши добраться.

– Не факт, – возразил ей я. – В случае с Митрохиным он мне место слил, но и только.

– Снова ошибка. – Покачала пальчиком Стелла. – Это ты так думаешь. А он тем временем готовил площадку для торга и, когда бы ты совсем отчаялся, предложил бы тебе вариант решения проблемы. Вот просто уверена в этом. Цена, конечно, была бы заоблачной, но тебе же важен результат, потому ты за ней не постоишь. Просто Марфа его обскакала. И здесь у него наверняка уже что-то да придумано. И, значит, нам надо найти асимметричный ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.